

Владислав Мацкевич
Вадим Кулинченко
Эдуард Антошин

ФЛОТСКИЕ БАЙКИ – 2

СЛУЖИЛИ ТРИ ТОВАРИЩА

Николаев
2012

ББК 84 (4Укр-Рос) 6-4
УДК 821.161.2-3
М36

Мацкевич В. В., Кулинченко В. Т., Антошин Э. П.
М36 Флотские байки – 2: служили три товарища. — Николаев:
eTalisman, 2012. — 152 с.

Годы берут свое. Все реже собираются «за рюмкой чая» друзья по прочному корпусу. Но уж когда соберутся, разное всплывает в памяти... И медведи с балалайками, и мясо с мылом, и подвиги ратные, и дела амурные. Море — оно такое, из любого просоленного-го маримана сделает отличного рассказчика и поэта!

ББК 84 (4Укр-Рос) 6-4
УДК 821.161.2-3

© В. В. Мацкевич, В. Т. Кулинченко, Э. П. Антошин, 2012

Что бы ни писали литературоведы про бойца Василия Теркина, но думается мне, что он был блестящим... психологом-самоучкой, чутко улавливающим душевное состояние и настроение собравшихся вокруг него боевых товарищей. Перечитайте стихи Твардовского — и убедитесь в этом лично. Образ этого неунывающего бойца был создан не только воображением поэта, но и благодаря встречам военного корреспондента Твардовского с такими психологами-самородками на коротких привалах во время трудного марша, в минуты недолгого затишья между боями и в иных подобных фронтовых обстановках. Чутко уловив душевное состояние своих боевых товарищей, бойцы, подобные герою поэмы, и строили свои забавные истории — такие чудесные «бывальщины-небывальщины».

А на боевом корабле — в дальнем походе, когда не днями, а неделями тебя сопровождает однообразный гул судовых двигателей, а вокруг столь же однообразные следуют одна за другой волны, и не за что зацепиться взглядом — от этого однообразия как-то незаметно для тебя самого накапливается душевная усталость, нарастает раздражительность, повышается утомляемость. И тут появляется — нет, не волшебник, а сослуживец. Свой, Флотский, корабельный Вася Теркин со своими флотскими байками. В основу их, как правило, положены гиперболизированные случаи, имевшие место быть на флоте, или услышанные от других лиц действительные истории из флотской жизни. В меру авторской фантазии они обрастают «флагами расцвечивания», а в меру литературных способностей — приобретают законченную форму.

По ходу рассказа они обычно обрастают новыми, прямо скажем, не существовавшими подробностями; они как эстафета передаются новым экипажам, кочуют по эскадрам и флотам в виде устного корабельного фольклора до тех пор, пока кто-либо, выйдя в запас или отставку, не запечатлеет их на письме, не закрепит на бумаге.

Роберт Короткий,
писатель, гл. редактор альманаха
«Черноморские румбы»

ОТ АВТОРА

Время — враг памяти. Оно выгрызает постепенно даже то хорошее, что случилось с нами в годы зрелой юности. Сейчас удивляюсь, что, когда николаевцы пытались в конце 80-х годов поставить в качестве музея подводную лодку «С-332», рабочие попросили нарисовать схемы основных систем лодки проекта 613, так как документация полностью отсутствовала. Бывшие механики, ушедшие с бортов более двадцати лет назад, рисовали по памяти эти схемы, приведя рабочих в изумление.

Сейчас, во втором десятилетии XXI века, вероятнее всего, это было бы уже невозможно без некоторой подготовки для освежения памяти.

На написание в 2007 – 2008 годах «Флотских баек» меня сподвигли мои бывшие студенты НКИ, ставшие к тому времени большими людьми. К тому же в то время мне в руки попали воспоминания командира одной из первых подводных лодок России «Окунь». Как интересно было читать об их буднях, удачах и нелепых случайностях! И я, как носитель памяти о жизни подводников 50 – 60-х годов, взялся за перо. Тираж книги разошелся мгновенно. Сейчас высказывают предложения о ее переиздании. Книга помогла найти моих многих однокашников по ВВМИУПП, сослуживцев по прочному корпусу. Откликнулись даже дети некоторых из них, найдя в книге фамилии своих отцов. Адмирал А. А. Саркисов нашел своего однокашника по «Дзержинке» (поступали вместе в 1941 году, закончили ее после войны).

В книгу, которую вы держите в руках, включены воспоминания отставников-подводников и даже надводников. В нее вошли стихи моего однокашника Эдуарда Антошина, члена литобъединения России. Он из числа тех первых 30-ти курсантов, заложивших основу атомного факультета «Голландии», член

экипажа одной из первых атомных подводных лодок СССР. Здоровья тебе, Эдуард! В книгу вошли и рассказы моего сослуживца по «С-345» — командира БЧ-3 (минера), он тоже позже хлебнул атомного лиха на лодках 675 проекта. Вадим Кулинченко — писатель-публицист, закончил службу в ЦКП ВМФ.

Однбокость фотографий вызвана тем, что Антошин служил на заре атомоходов и взгляд члена экипажа лодки на фотоаппарат уже считался преступлением. Фото у него просто нет. Кулинченко начал службу на атомоходах значительно позже с должности старпома. Фото были, но известный писатель-маринист Н. Черкашин «забыл» их вернуть.

Большое спасибо чудесной паре Елене и Василию Торубара, основателям издательства «Талисман». Это их идея — взять в соавторы моих друзей по флоту и жизни.

О ВОЙНЕ И ЛЫСОЙ ГОРЕ

Начало войны застало нашу семью на родине моей мамы в Петровск-Забайкальске — городе, где когда-то тянули каторжную лямку декабристы. Мы там проводили отпуск. Над рекой Уса стоял бревенчатый частный двухэтажный дом моей бабушки Анны Тимофеевны и деда Владимира Августовича Добровольских. А на реке я впервые приобщился к рыбалке, накалывая каких-то рыбешек вилкой и выуживая усачей на удочку. Срочно вернулись домой в Иркутск. Вскоре отец Витольд Францевич ушел в армию, став маленькой крупницей тех сибирских дивизий, которые зимой 1941 года пришли под Москву. Мама Любовь Владимировна — учительница младших классов была направлена на переквалификацию и стала работать медсестрой в госпитале, появлялась дома два-три раза в неделю, чтобы приготовить нам еду и сделать что-то по дому.

Жить становилось все труднее и труднее. Сразу опустели магазины, на полках лежали только крабовые консервы, а потом и они исчезли. Ввели карточки на продукты и прочее. Начался в городе голод.

Недавно молодой человек не поверил мне, что в Сибири был голод. Был, начиная с зимы 1942–43 годов. На санях возили трупы по утрам. В тыловом Иркутске хлеб, выдаваемый мизерными «пайками» по карточкам, состоял из отрубей и коры каких-то деревьев, был густо-коричневого цвета, а при нарезании в магазине с него сочилась вода. На прилавке лежал не в виде привычных буханок, а большим коржом на железных противнях и его сдвигали постепенно, выдавая жителю его суточную норму. Видел это многократно, так как отоваривание карточек, разогревание пищи (если она была), заготовка дров, уход за братом, который моложе меня на два года, лежали на мне. Центральное отопление практически не работало, обогре-

вались буржуйкой, в двух других комнатах квартиры поселились эвакуированные с запада люди.

В 1941 году я пошел в школу. К окончанию второго класса большинство одноклассников ходило в брезентовых ботинках на деревянной подошве. А ведь Сибирь. На переменах в коридорах грохот стоял, как в кузнечном цехе. Было тяжело всем. Но даже в этих условиях ученики всех классов участвовали в сборе подарков для солдат, воюющих на фронтах, писали им письма. Часто со старушкой-учительницей ходили в глазной госпиталь, который размещался в нашей довоенной новой школе №5. Учились мы в другом здании, там разместились две школы. Как говорят, в тесноте, да не в обиде. Читать, писать мы ещё как следует не умели, но, напуганные многочисленными бинтами и повязками, заикаясь, читали раненым стихи, пели детские песни. Раненые порой плакали, глядя на нашу деревянную обувь и худые лица. Видимо, понимали, что у них дома обстановка может быть ещё хуже.

А когда в Иркутск на металлургический комбинат в переплавку стали приходиться эшелоны с разбитой, искореженной немецкой техникой, люди воспряли духом, возникла уверенность, что мы можем победить.

У нас с братом возникли проблемы со здоровьем. Проведав о нашем положении, из Алма-Аты к нам на помощь приехала наша бабушка по отцовской линии Мария Ивановна (дед Мацкевич Франц Ипполитович был арестован в октябре 1937 года, расстрелян в феврале 1938 года, реабилитирован в 1956 году), но она вскоре заболела и уехала назад к дочерям. В 1943 году мама, понимая, что нас с братом нужно спасать, добилась через медицинскую и исполкомовскую комиссии права уволиться из госпиталя и, бросив все, увезла детей в западную Сибирь к своему брату. Он там был начальником Ишимского отделения Омской железной дороги, и у них была корова. Приехали мы с двумя чемоданами, оставив все фамильное. Пишу это потому, что не все по прошествии многих лет после войны осознают понятие — дети войны.

В школу города Ишим в середине учебного года пришел новый преподаватель немецкого языка. На уроки он прихо-

дил в бушлате (школа едва отапливалась) и клешах, а в отвороте его рубашки виднелась тельняшка. Первый урок начался не по учебнику, где на первой странице было напечатано «Anna und Marta baden», а началась «атака» учеников на боевого моряка. Оказалось, что наш учитель — старшина 1-й статьи — воевал на Балтике и был боцманом — рулевым на малом морском охотнике «МО-1». Кисть левой руки он потерял во время боя с немецкими самолетами, когда катер был в дозоре, встречая возвращающуюся из похода подводную лодку. Позже на его пиджаке мы увидели две медали, тогда фронтовики не стеснялись носить боевые награды.

Говорил он с каким-то мягким, необычным для нас, сибиряков, акцентом, пересыпая свою речь флотскими терминами. Часто мы потом слышали: «Эй, там, на шкентеле!». Задние парты затихали. Сиденья парт он называл банками. Скоро мы узнали, что так называют на флоте поперечные сиденья шлюпок. Тех, кто не выучил урок, он называл обидным словом — салага. Урок нередко прерывался какой-то былью, чаще всего флотской, фронтовой. Часто мы сами провоцировали его, прося рассказать, как они воевали. На всю жизнь запомнился его рассказ (байка) на украинском языке: «Разве мы сейчас воюем, вот раньше воевали».

И он переходит на свой родной язык.

«Пам'ятаю, стояли ми у дозорі на тій Лисий горі. Сидимо, варимо куліш, точимо шаблюки. Місяць сидимо — нічого, другий сидимо — нічого, аж на третій місяць вартовий кричить: «Турок пре!» Розбудили атамана. Він кричить: «Заряджайте гармату!» А канонір каже: «Так снарядів немає!» Атаман маше шаблюкою и кричить: «Заряджайте каменюкою!» Прикотили каменюку, зарядили гармату, підпалили. День горить — нічого, другий горить — нічого, а на третій як трабалахне!!!

Три місяці пульга стояла. А як розвіялась, то ні тих турок, ні тієї гармати, ні тої Лисої гори немає. От як воювали!»

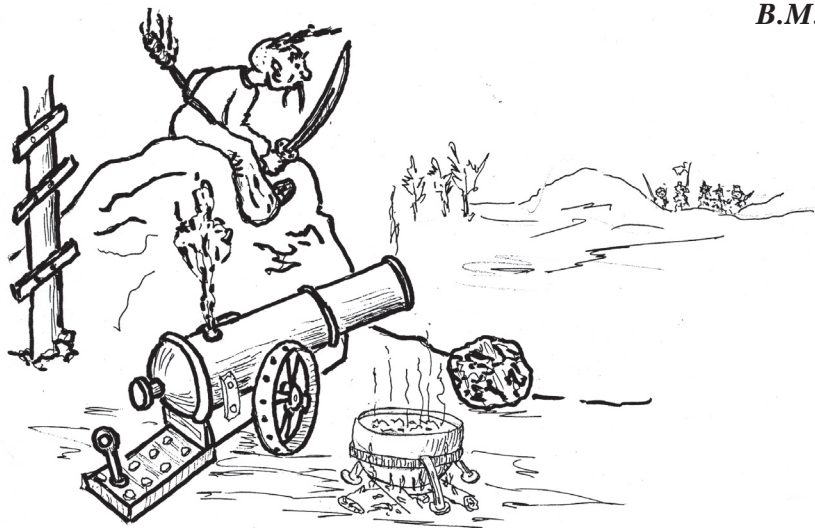
Вероятнее всего этот искалеченный войной моряк бросил первую каплю любви к флоту не только в мою душу.

Спустя годы, отслужив на флоте более тридцати лет, половина из них — на подводных лодках, уйдя в отставку, в книге

своего приятеля, водолаза-писателя Михаила Терновского я нашел другой вариант этой байки-анекдота. Миша рассказывает об острове Березань, расположенном недалеко от Очакова, делает предположение, что А. С. Пушкин, отбывая «саранчовую ссылку» в наших краях, узнал об этом богатом историческими событиями, а значит, и археологическими находками острове, и сделал его в своей сказке «островом Буяном». Остров когда-то входил в состав Ольвийского государства, затем на нем стояли римские гарнизоны, турки, а в недалеком прошлом несли службу козаки. О них-то, по его словам, и ходят в наших Таврийских краях байка: «Козаки на острове держали оборону и как-то, изрядно вкусивши, погорячились и в пушечный ствол всыпали порошу больше, чем этого было нужно для поражения супостата. Последовал выстрел по бусурманам, и пушку разорвало на мелкие куски. С тех самых пор по всей Украине голосистые кобзари поют песни о том, как стреляла козацкая царь-пушка: «Наче вибух був такий потужний, що тільки на нашому березі повбивало чоловік з десятеро козаків. А скільки тих бусурманів полегло — ой-ей-ей».

Необъятна память народная. Не будем и мы забывать лихие годы войны.

В.М.

О ВРЕДЕ АЛКОГОЛЯ

Рыбачий поселок Сайда с рыбзаводом, причалами и магазинчиком, называемым в народе «монополькой», в которой можно было, при существующем в военных гарнизонах сухом законе, приобрести увеселительно-горячительное, располагался в долине речки Сайда, довольно ровном для Севера пространстве. Над поселком нависала сорокаметровая скала. «Монополька», как магнитом, притягивала к себе жаждущих и страждущих офицеров, сверхсрочников, матросов, старшин и, конечно же, стройбатовцев. Десять, двенадцать километров до неё по заснеженной тундре и скалам, в мороз с буранами не останавливали никого. Офицеры и мичманы, если позволяла служба, перед праздниками или когда было нетерпение, группой по несколько человек на лыжах, как золотоискатели на Аляске, совершали двадцатичетырехкилометровый бросок туда-назад. Чаще всего в этих походах участвовали рыболовы-любители, ведь все озера в округе ими были давно освоены, а что такое белое безмолвие тундры, полярная ночь и неожиданные бураны с видимостью до кончиков лыж, они познали на своей шкуре.

Переполох в гарнизонах поднимался, когда пропадали корабельный старшина, матрос или стройбатовский солдат. Если был хотя бы намек на уход его в Сайду, посылались катера, формировались группы лыжников во главе с офицером — любителем рыбной ловли. Группы шли по всем вероятным тропам к одной точке — «монопольке».

Как-то глубокой осенью пропал в гарнизоне солдат из стройбата. Поиски по отработанной схеме ничего не дали. Проверки в семье на малой родине через военкомат и милицию тоже. А летом, когда почти сошел снег, нашли его под скалой, да не одного, а двух, прилично объединенных лисами и песцами. Рядом пустые и початые бутылки, в рюкзаке — запас для друзей. Личность второго собутыльника установить не удалось.

В.М.

ВТОРОЙ «У-2»

В районе Гремихи за мысом Святой Нос рухнул американский самолет-разведчик «У-2» или что-то иное. То ли его сбили, то ли сам завалился. Места там дикие, безлюдные, дорогами и не пахнет. Место падения самолета пост наблюдения и связи по халатности не зафиксировал. Через некоторое время летчик, оставшийся живым, сам пришел на огонек поста. По-русски ни бэ, ни мэ, а служилые поста хотя и виртуозы лингвистики, но матерной. Словесного контакта не получилось. На всякий случай позвонили своему оперативному дежурному, тот зафиксировал донесение в журнале и успокоился. Но где-то, видимо, у ПВО-шников, момент падения самолета был замечен, и через пять суток на пост прибыла группа поисковиков. На вопрос: «Не видели ли вы падение самолета?» — естественно получили ответ: «Нет, но какой-то хрен сидит у нас в бане уже неделю, а говорить отказывается». Открыли дверь, а там обросший мужик в тулупе. Стали разбираться, вернули ему его амуницию и прочие атрибуты, экспроприированные матросами. Изъяли страницы журнала, нарушителя увезли.

Сколько харей было тыкано в селедку, как Ванька Жуков, осталось загадкой.

В.М.

КОМАРИНАЯ ЗАКУСКА

Командир строительного батальона в Ягельном как-то по доброте душевной выделил подводникам свой УАЗик для поездки в Сайдинскую «монопольку». В компанию механиков напросился штурманенок Малейко с «С-345», голубой мечтой которого было поскорей демобилизоваться, поэтому он искал разные способы показаться начальству с «необычной стороны». Эта его особенность сборному экипажу УАЗика была неизвестна, и они по доброте душевной забрали штурманца с собой.

В «монопольке» отоварились. Дегустировать на месте не стали, ведь впереди у кого дом, а у кого служба, но служитель гирокомпаса и пеленгатора всосал изрядную дозу из бутылки. На пути домой на отсыпке, называемой дорогой, его растрясло и в нем проснулся то ли скифский, то ли узбекский хан. После его очередной попытки построить каждого члена экипажа в две шеренги штурманца, не доезжая до поселка, высадили. Ноги не долго несли его домой, найдя мягкую кочку, Малейко заснул. Молодой сон крепок, даже в полярный день. Утром он явился на корабль с комариным «макияжем» на всех мыслимых и немыслимых местах. Физиомордия, иначе его лицо назвать было нельзя, распухла до состояния баскетбольного мяча. Лечился недели две. Ведь комары на Севере и каску прокусывают.

В.М.

У ПОДВОДНИКОВ И ДОМА ПОГРУЖАЮТСЯ

На заре туманной юности заполярного города Гаджиев, когда он еще носил гордое имя «поселок Ягельный» — по имени острова Ягельный в бухте Сайда Кольского залива Баренцева моря, «впередсмотряще-планирующее» начальство решило облагородить этот малонаселенный пункт, построив вместо деревянных домишек каменные дома. Первая линия домов была намечена на вершине ближайшей от причалов сопки. За два-три года ударно возвели цепочку домов от номера 24 до 32-го. Стали засыпать мелководное озерцо напротив этих домов. Сопку с цепочкой зданий от каменистого плато, простирающегося до поймы речки Сайда с одноименным рыбацким поселком и единственным на всю округу спецмагазинчиком, отделял довольно большой лог, прогрызенный ледниками. В начале лога построили на базальтовом основании котельную, которая обогревала все и вся, а на склонах лога в зимнее время развлекались экстремалы на лыжах и даже на санках, прыгая с трамплинов.

База росла, число подводных лодок увеличивалось, поэтому решили построить пятиэтажку в этом логу, лишив женщин едва-ли не единственного развлечения — наблюдать приземление мужей на пятую точку или даже на голову при прыжках с трамплина. Заключались на эту тему даже пари.

Недостаток жилья сильно поджимал, поэтому дом возводили ударными темпами. Так как все предыдущие дома строились на базальтовом основании, дно лога не обследовали. А зря.

Получилось, что одна половина дома стала на плиту, а вторую возвели на вечной мерзлоте болота. Летом, когда еще не началась отделка дома, а в политотделе уже делили жилплощадь при сильном накале страстей жаждущих получить

благоустроенное жилье, в обеденный перерыв одна половинка дома совершила по-подводнички маневр «Срочное погружение» в трясину оттаявшего болота. Погружалась, пока не села на скальное основание. «За бортом» никого не оставила, так как в это время, как и положено по распорядку дня, строители «сыграли» «бачковую тревогу».

Выждав около года, половину перевозвели заново, уменьшив размеры окон до минимума и взяв стены стяжками в стальной каркас. Сразу после аварии кипевшие страсти как-то сразу приутихли и примирили людей, живущих в коммуналках. На время.

В.М.

КОНЬЯК А-ЛЯ «ШИРОБОКОВ»

Каждый мех на своей подводной лодке в каюте между шпангоутами, как правило, устраивает сейф, не предусмотренный проектом. Там он хранит величайшую драгоценность — спирт, получаемый ежемесячно официально для технических нужд. Там же, если позволяет место, хранится дефицитный ЗИП и личные мелкие вещи.

Перед выходом в море мех «С-342» инженер-капитан-лейтенант В. Широбоков получил вожделенный продукт, а так как канистрочки под рукой не оказалось, жидкость на время была залита в трехлитровый сосуд и заперта в сейф. В сейфе помимо кое-каких железяк хранился запас папирос «Беломорканал». Ведь при длительных выходах в море, когда у всех куряк опухают уши от желания затянуться, а курево давно закончилось, некурящий мех, открыв сейф, широким и барским жестом раздавал пачки папирос всем курящим коллегам по прочному корпусу, невзирая на звания и сроки службы. Слезы умиления текли даже у их жен, страдающих в одиночестве на берегу.

Куча забот, обычных при подготовке лодки к бою, походу и погружению, как-то вычеркнули из памяти меха проблему бутыль-канистра. В море прилично штормило, бутылю надоело кататься с боку на бок и он в одночасье раскололся. Спирт и табак «Беломорканала», способный убить лошадь, создали гремучую настойку на дне герметичного сейфа.

Папиросы сушили на дизелях и пустили в дело. Жидкость со дна сейфа вычерпали. Слили в графинчик. Цвет мерзкий, запах продирает до копчика. В каюте на плавбазе жидкость отстоялась, посветлела и стала привлекать внимание гостей каюты. Кто-то любовно назвал её «коньяк бурдель-бурдо», но пробовать не решались. Гениальную идею выдвинул минер — выходец из глубин матушки России. Оказалось, что его бабу-

ля в свой самогон для того, чтобы «с ног валило», добавляет махорку. Деревня худо-бедно, но живет. Прикинув, что табак благородней махорки, минер предложил себя на роль «грибного человека».

Дегустаторы не знали, кого благодарить за то, что меху никто не посоветовал хранить в сейфе старые носки. А «настойку» все же называли именем меха.

В.М.

Особенности приготовления «витольдовки»

АКВАРИУМ

Это сейчас мы знаем уникальные по своим свойствам китайско-вьетнамские настойки с женьшенем, змеями, морскими коньками и прочей ползающе-плавающей живностью. А во времена «за железным занавесом» экзотика заканчивалась водкой «Старка» да «Рябиной на коньяке». Но случались и «открытия».

Старшина команды электриков мичман В. Лысенко готовился к отпуску, поэтому долю полученного для ухода за своим довольно обширным электрическим хозяйством спирта он сэкономил, из месяца в месяц отливая толику в нагрудно-карманную ёмкость. Совершенно неожиданно его планы изменились. На завершающем этапе отработки корабельных нештатных легких водолазов он, спустившись по спусковому концу в аппарате ИДА-57, на песке обнаружил морских ежей и звезд. Спуски под воду проводились в Полярном за Екатерининским островом. Островом Любви. Так его между собой называли моряки с времен войны, ведь на нем стояли батареи зенитной артиллерии, а канонирами были девушки.

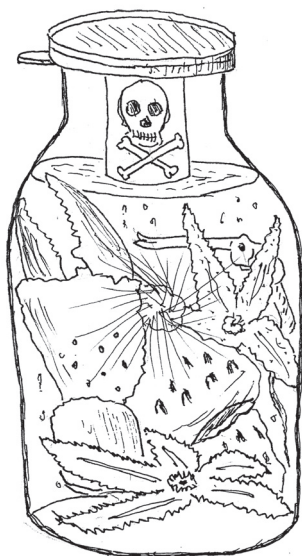
Мичман, побродив на дне, по команде, поданной ему через сигнальный конец, стал подниматься наверх. Перед этим он засунул под дыхательный мешок и кислородный баллон пару понравившихся морских звезд. Так, на всякий случай. Спуски продолжались. На палубе водолазного бота мичмана осенила идея сделать родным оригинальный подарок — привезти в Уфу диковинку — заспиртованных морских животных. Очередному водолазу он дал банку для пары морских ежей, с ними натюрморт будет на славу.

Большая часть заначенного спирта ушла на «заспиртовку». Своеобразный аквариум хранился в ожидании отпуска в отсечном запираемом ящичке. Ушлый трюмный, пронюхав о подво-

дно-спиртовой заначке, вскрыл ночью во время несения вахты в базе ящик и слил «рассол». День рождения трюмача прошел на славу. Но, видимо, подвел закусь, из трех участников двоим эскулапы в лазарете с перепугу мыли желудки. Новорожденный провел «разговение» на губе.

Теперь они, да и мы понимаем, что морские ежи — это о-го-го. Для мужиков это точно.

В.М.

МИЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ
(И МИЖМАН ТОЖЕ)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ПОМОЩНИКА КОМАНДИРА РАКЕТНОГО КРЕЙСЕРА «ГРОЗНЫЙ» КАПИТАНА 2 РАНГА ПИНИНА В.Г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

В глубине губы Сайда, миль на пять далее базы подводных лодок Ягельная, у отвесной сорокаметровой базальтовой скалы взрывами «отвоевали» кусок берега, к нему и перегнали из главной базы Северного флота шестую дивизию ракетных кораблей. Место спокойное, удобное, если не считать, что семьи служилых остались в Североморске, а кому повезло, поселились чуть ближе — в двенадцати километрах в Ягельном. Многие, особенно холостяки, считали, что им еще подфартило, ведь рядом находился рыбацкий поселок с его магазинчиком, где, о радость, продавались горячительные напитки, недоступные в других гарнизонах. Одно отравляло бытие — в поселке находился рыбзаводик с технологией получения рыбной продукции времен Михаила Ломоносова. Горы рыбьих голов, хребтов и потрохов далеко не первой свежести лежали под открытым небом на берегу. Рядом в больших чугунных котлах из этого неходового продукта вытапливали рыбий жир. Да, тресковая печень там присутствовала, но как дополнение...

Дым костров из бревен, приносимых в изобилии сибирскими реками, день и ночь создавал в смеси с запахом рыбьего жира и гнилых потрохов неповторимый аромат. Командиру дивизии контр-адмиралу Беякову из этой пары — магазин — жиротопный цех — больше доставлял забот магазинчик. Хотя к нему и был «приписан» патруль. Но сердобольные рыбацки и работники рыбзавода умудрялись снабжать «зелем» соседей-мореходов. Это обстоятельство постоянно напрягало комдива.

А тут еще пришла шифровка, что на базе технического обслуживания подводных лодок несколько матросов отравились, глотнув метилового спирта, кто-то даже отдал концы, кого-то, промыв, откачали. Комдив знал, что русского мужика никакими проверками, наказаниями и т. п. нельзя убедить не пробовать метил и прочую гадость. Почесав свою седую репку, хотел наложить стандартную резолюцию, но, вспомнив околомгазинные «страдания» своих подчиненных и последние ЧП, наложил наискосок резолюцию:

- Ракетному крейсеру «Грозный», где пьют одеколон.
- Ракетному крейсеру «Головко», где пьют спирт.
- Штабу дивизии, где пьют все!

А далее, ведь должность обязывает, приказал штабу разработать план мероприятий, где шло — проверить, наказать и т. д.

Но комдив-то — альбатрос. С высоты своего салона он видит все, поэтому и появилась такая нестандартная резолюция.

БОЦМАН

Атомоход проекта 667БД готовился покинуть родивший его Северодвинск. Матросы и мичманы закончили прощальный обход территории завода, «забрав» все, что может пригодиться для обустройства казармы, а также квартир офицеров и сверхсрочников в месте постоянного базирования корабля.

Опыт предыдущей службы научил служилых, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». В казарме их ждут кубрики с истерзанными, ржавыми кроватями, ободранными стенами и галюном, похожим на заведение «ЭМ» и «ЖО». При проверке наличия личного состава на боевых постах по отсекам выяснилось, что отсутствует боцман корабля мичман С. Борейко, слывший в экипаже не только хорошим специалистом, но и превосходным почитателем Бахуса. Штурман и помощник командира стали раскидывать мозгами, где может на берегу осесть боцман, ведь он отпрашивался доставить на борт бидон краски, обещанной ему мичманами из шкиперского склада, а время прибытия боцмана на борт давно истекло. Раздумье было

прервано призывом верхнего вахтенного по «Каштану»: «Боцмане просьба прибыть наверх». Внутренние голоса помощника и штурмана сразу подсказали им, что эта просьба как-то связана с боцманом, и они мгновенно выскочили на мостик. Там их ждала, как сейчас говорят, картина маслом. У бидона с краской на причале стояли два подданных сверхсрочника, которые поддерживали коленопреклоненного боцмана, нажратого до:

- скотского состояния;
- потери пульса;
- свинячего визга;
- якоря на грунте и т. д.

Пока офицеры оценивали состояние боцмана, на надстройке собралась боцманда. С трудом боцмана затащили на мостик. Опустить его в центральный пост без помощи крана было проблематично. На флоте ходила побасенка, что то ли какие-то отдельные гражданские специалисты, то ли представители других родов войск, первый раз прибывшие на подводную лодку, как-то пытались спуститься в центральный пост вниз головой. Этот способ спуска в глубины прочного корпуса тоже обсудили на мостике, но только его вариант «ногами вперед», то бишь вниз. В прочной рубке у нижнего рубочного люка поставили трех боцманят, которые должны будут принять «тело» при его проходе через верхний рубочный люк. Пока шел инструктаж, выход нашел сам боцман. Видимо, в пьяном угаре он вспомнил петровский принцип: «Если пьяный матрос лежит головой в сторону корабля, он не подлежит наказанию». Воспользовавшись тем, что инструкторы, расставляя по местам матросов, отвлеклись, он, вцепившись в балясины трапа, ринул головой вниз в родной прочный корпус. Буквально в последний момент стоявшие на мостике ухватили нырятеля за ноги и поняли, что боцмана легче будет опустить вниз в этом его пространственном положении, ведь боцман и так сам пытается карабкаться вниз по трапу. Решение было принято мгновенно, но коллегиально. Помощник командира, который по «Корабельному уставу» обязан руководить на корабле погрузочно-разгрузочными работами, взял руководство на себя и запросил: «В рубке, вы

его держите?» Пьяный боцман в ответ рявкнул: «Да». На мостике сразу отпустили боцманские штаны и он, как торпеда, пошел вниз. Его наполнившаяся спиртом голова не долетела до комингса нижнего рубочного люка какие-то сантиметры. Родные боцманята успели ухватить китель своего начальника. Последний этап спуска тела боцмана из боевой рубки прошел без эксцессов.

ПРИКОЛЫ

Слушателей академии Генерального штаба традиционно привозили для проведения экскурсионных занятий на объекты различных видов вооруженных сил, в том числе на надводные корабли и подводные лодки. Многие, если не подавляющее большинство, до этого видели их только в кино или на картинах. Естественно, в каждой группе «любопытательные» слушатели часто оказывались объектом розыгрыша.

Как-то на один из эскадренных миноносцев Балтийского флота, стоящий в планово-предупредительном ремонте, прибыли слушатели. Их разбили на группы, и одну из групп водил по кораблю командир БЧ-2 Хвощинский. В конце обхода группа пришла на ходовой мостик. Объясняя в популярной форме предназначение различного оборудования мостика, артиллерист старался рассказать, что предназначено для обеспечения хода, что для маневрирования, связи, использования оружия и прочее.

Так получилось, что, рассказывая о радиолокационном вооружении и применении оружия, он показал им выносной индикатор кругового обзора ВИКОЦ, расположенный рядом с машинным телеграфом. Почему-то слушателей больше всего заинтересовала педаль выдачи целеуказания от индикатора. Тут же был задан вопрос: «А зачем у машинных телеграфов педаль?» Утомленный экскурсовод мгновенно отреагировал: «Когда в море необходимо быстро остановить корабль, мы нажимаем на эту педаль. Команда «Стоп» выполняется мгновенно».

но, корабль замирает на месте». Слушателей ответ удовлетворил, но совесть Хвощинского мучила и он привел группу на перекур к обреза на полубак. Извинившись за шутку, объяснив реалии, он предложил перекурить и подышать.

Утомленные хождением по отсекам и трапам два подполковника, закулив сигареты, сели на кнехт, что категорически запрещается флотскими обычаями еще со времен Петра I. Сидят, курят. На их беду, как черт из табакерки, из люка выныривает главный боцман мичман Панкратов. Увидев это, он отзывает в сторону ближайшего матроса и, объяснив ситуацию, приказывает ему сесть на кнехт противоположного борта. Матросик, зная разность боцмана, икая от страха, садится на кнехт. Рев боцмана был слышен во всех уголках бухты. Подполковники вскочили, но боцман тактично объяснил им, что это их не касается. Они гости.

Класс 512, 1-я рота, 1957 г.

Эта история относится к 60-м годам прошлого столетия. Услышал я её в 1984 году. Сегодня, когда патриотизм вновь становится востребованным, мне кажется, что такие рассказы заставляют задуматься о своей Родине.

СВЕРЧОК

Как-то в один из полётов Воздушного командного пункта (ВзПУ) ВМФ на Черноморский флот наш самолёт из-за погодных условий посадили на аэродром Гвардейский в центре Крымского полуострова. Надо отметить, что время было неподходящее для прогулок, конец февраля везде сыкотно, а какая-то пакостная изморось вообще вгоняла в грусть. Так что благодаря природным условиям всё командировочное население этого степного гарнизона собралось в гостинице у телевизора. Передача была неинтересной, и постепенно офицеры группами стали растекаться по комнатам. Одни стали составлять партии в шахматы, другие в домино — «флотского козла», а некоторые занялись просто «травлей», без которой не обходится ни одна флотская мужская компания.

В одну из таких групп попал и я. Она состояла из солидных командиров, прослуживших на флоте не менее 20–25 лет, и конечно, большинство этих лет было потрачено на корабельную жизнь, или как говорят у нас на флоте, на освоение морей и океанов. Я не оговорился — сначала были моря, а потом уже флот вышел в океан.

Как всегда, беседа завязалась со споров о преимуществах и недостатках наших кораблей и самолётов в сравнении с иностранными. Всё познаётся в сравнении. Потом споры стали незаметно затухать. Стали вспоминать случаи, которые происходили с участниками беседы или с близкими их сослуживцами. При этом можно было заметить интересную противоположность в рассказах — если рассказывал корабельный офицер, он всегда употреблял местоимение «мы», если лётчик — то «я». Это своеобразие употреблений местоимений наложено спецификой службы. На корабле и экипаж солидней, и действия его

взаимозависимы, а на самолёте чаще всё зависит от индивидуальности, поэтому и в рассказах лётчиков чаще слышится «я», а не «мы».

Но во всех случаях права народная молва — без человека техника мертва! А вспомнить о хороших людях никогда не грех. Вспоминают больше случаи, где героями являются другие люди, о себе мало кто говорит. Здесь больше не скромности, а психики — ты скажешь о других, другие вспомнят тебя.

В воспоминаниях о сослуживцах офицеры чаще вспоминают о матросах срочной службы. Наверное, потому что, когда те приходят на службу, разница в возрасте составляет примерно около десяти лет, и офицеры относятся к ним как к сыновьям. А о хорошем сыне всегда приятно вспомнить, тем более, когда из плохого человека сделал хорошего.

Борис Решетников, капитан 1 ранга, вспомнил, как он в молодые годы осваивал Средиземку на тральщике, который был, конечно, не верх совершенства, но всё-таки имел ряд бытовых преимуществ перед дизельными подводными лодками, поэтому его корабль частенько использовали как «баню» для асов морских глубин.

— Тральщик уже около двух месяцев «болтался в морях», а в те времена это уже был подвиг. Каждое большое дело начинается с малого. Мысль о земле вызывала зуд в спине. Мы тогда традиционно не имели баз на чужих территориях, и мечты о родном доме одолевали каждого. Для моряка корабль — родной дом, и поэтому традиции дома, освящённые вековой народной мудростью, он старается перенести сюда, на место своей воинской службы. А мы, об этом часто забывая, лишаем их иногда, на наш взгляд, безделушек, связывающих их с домом и привносящих какой-то уют и вдохновение в короткие часы отдыха. Автономное плавание — это тяжёлые психологические нагрузки длительного характера. Такие плаванья открывают глубокую, может быть, ещё до конца не понятую нами истину — человек гораздо глубже, загадочнее, выше всяческих социальных масок, которые мы ему навязываем. За абстракциями легко потерять его реальность, его живую душу....

— Да! — дополнил капитан 2 ранга Леонид Сычов. — Особенно для подводников. Помню эпизод, правда, это уже было на атомоходе, когда был запущен в космос космонавт №2 Герман Титов. Мы это сообщение получили на 30-м дне плавания под водой, и все были готовы два дня крутиться там. Было неизвестно, сколько ещё бороздить нутро океана в стальном корпусе...

Разговор, оставаясь в том же русле, грозил затянуться. Всё зависело от состояния погоды, ведь мы находились на флотском аэродроме.

— На моём корабле была одна достопримечательность, о которой трудно просто так догадаться, — продолжил свои размышления Решетников. — Мы привыкли относить к этому слову что-то значительное или фундаментальное. Что бы вы думали, было? — спросил он присутствующих.

Перечислялись самые невероятные атрибуты морской принадлежности. Почему-то в таких случаях мысли сосредотачиваются на профессиональных предметах. И уже сдались угадывающие, стали раздаваться возгласы «Продолжить рассказ!» — ожидалось что-то интересное. Но вдруг раздался неуверенный голос — не то вопрос, не то ответ: «Не сверчок ли?». Все застыли в недоумении, так не гармонировал рассказ о море с каким-то прозаичным, чисто сухопутным насекомым, которое к тому же очень надоедает людям ночью. Его стрекотанье одних умиляет, а других раздражает. «И это насекомое — достопримечательность боевого корабля?» — подумали многие. — «Да не может быть!».

Решетников внимательно посмотрел на говорившего и медленно спросил:

— Откуда Вам это известно?

Леонид Сычов сказал уже уверенным голосом:

— Я долго всматривался в Вас, мне казалось, что мы где-то встречались. А когда Вы начали рассказ о Средиземке и о тральщике, я, ещё сомневаясь, подумал, что мы оба являемся участниками одной истории, главным героем которой был сверчок с тральщика по кличке Пётр. Так?

— Совершенно верно!

Кто бы мог подумать, что через 20 лет где-то на затерянном аэродроме могли встретиться два участника этой истории в море и двух разнотипных кораблей. Но как говорят: «Гора с горой не сходятся, а человек...». Жизнь иногда преподносит нам и не такие сюрпризы.

Слушатели возбудились и потребовали рассказа этой истории и от Решетникова, и от Сычова. Ночь обещала быть короткой, без сна. Но так уж устроен человек — интерес превышает всего. По традиции, сложившейся на флоте, рассказ начал младший по званию.

— Мы уже не один месяц «кувыркались» в море, то всплывая, то погружаясь. Ведь дизельная подводная лодка не совсем подводная, а скорее нырок. Но настоящие моряки-подводники воспитываются именно на них, проходя через все морские прелести: болтанка до рвоты, соленый душ на мостике, частенько свежий морской воздух в изобилии, но... по бытовым условиям до атомоходов им далеко. Там стерильная чистота, пресный душ хоть каждый день, и что главное — у каждого своя койка с чистыми простынями.

Дизелисты такой быт считают для себя непозволительной роскошью. А бани ждут... да что там говорить! Одним словом, ваш покорный слуга служил в те времена на одной из таких нырялок. И вот при очередном сеансе связи мы получаем долгожданное радио с указанием — следовать в такой-то квадрат, встретиться там с тральщиком и по договоренности с его командиром произвести помывку личного состава.

По лодке была дана команда — приготовится к бане. Экипаж охватил деловой восторг, где мне отводилась немаловажная роль — я был помощником командира и все организационные, да и бытовые вопросы этого мероприятия решались мною непосредственно.

Дошли мы до указанного квадрата без всяких происшествий, где нас уже ожидал Ваш, Борис Александрович, тральщик, и Вы разрешили, опять же по договоренности, швартоваться к вашему борту. Своих плавсредств лодка не имеет.

Командир наш, как и полагается в таких случаях, направился с визитом к командиру тральщика, а я, решив организационные вопросы с Вашим помощником, заступил на вахту, посчитав лучшим местом для координации мероприятия мостик нашей лодки. Погода была благоприятная, мероприятие организовано, люди размягчались и добрели после бани и охотно сменяли своих товарищей на вахте у механизмов. Боевой корабль в море в любых ситуациях остаётся боевым. Пришёл и мой черёд поблаженствовать минут тридцать — больше нельзя, дела.

Доложив командирам, что мероприятие, никак не отвязаться от этого казённого слова, по помывке личного состава подводной лодки выполнено, мы тем самым дали возможность им продолжить свой разговор в душе, а членам команды подводной лодки пообщаться в это время с командой тральщика, где многие встретили земляков. При таких встречах вдали от родных берегов земляком тогда считался любой гражданин Союза, в каком бы краю он не проживал — от Балтики до Тихого океана. Происходил «обмен сувенирами», как модно сейчас делать при различных встречах.

Всё шло без происшествий, по намеченному плану. Наступило время отдавать швартовы. Мы дружески распрощались с гостеприимной командой тральщика, его командиром и плавно отошли от борта, не предполагая, что через какие-то 5–10 минут попадём в нехорошую историю — окажемся в роли похитителей одного из «членов» команды тральщика.

Уже была дана команда готовить дизель на винт, когда с тральщика — время подходило к вечерним сумеркам — нервно последовали световые проблески прожектора. Сигнальщик сбивчиво повторял одну букву «С», что означало «Застопорить машины!». «Что у них там стряслось?» — недоуменно спросил наш командир. На мостике находились кроме него я, замполит и сигнальщик, старшина срочной службы, рулевой был под козырьком мостика. Увидев, что мы застопорили машины и легли в дрейф, а от тральщика мы находились уже в не менее чем в двух кабельтовых, оттуда начали передавать странный

семафор: «Верните нашего сверчка Петра. Командир». Вниз последовала команда механику: «Разобраться, кого из команды тральщика мы по ошибке захватили с собой!». Не удивляйтесь — бывали такие случаи, когда моряки надводных кораблей, особенно плавбаз, из романтических побуждений пытались зайцами остаться на подводных лодках. Но их тут же выявляли. При любом отходе на лодке проверяется личный состав поимённо, осматриваются отсеки и докладывается в центральный пост. Да и старпом с замполитом в это время обходят всю лодку.

Пока мы проводили все эти проверки, осмотры и прочее, сигнальщик с тральщика засыпал нас семафорами, в которых везде было слово «сверчок». Мы недоумевали. Что это такое или кто это такой? Поверьте, никому на мостике, за исключением рулевого, как выяснилось потом, сразу смекнувшего, о чём речь, но молчавшего как рыба, не могло прийти в голову, что весь сыр-бор разгорается из-за насекомого, причём самого прозаичного в обычных земных условиях, а здесь превратившегося во что-то ценное. Раритет.

На тральщике между тем, видя, что мы не собираемся подходить к ним обратно, стали сниматься с якоря и приближаться к нам на голосовую связь. В это время в подводной лодке шла своя кампания по разбору семафоров с тральщика, но докладов снизу не поступало, хотя туда был направлен замполит. Командир нервничал — хуже нет неясной обстановки, ставящей в тупик — и всё это выливалось в вопросы ко мне, на которые я не мог дать вразумительного ответа. А время шло, и наша точка удалялась от нас, но мы должны были её догнать, а резерв скорости уменьшался. Неожиданно поток проблесков прекратился, тральщик подошёл на голосовую связь. В мегафон (уже существовали электромегафоны) мы услышали объяснения командира тральщика.

Историю продолжил Борис Александрович:

— Ещё до отхода из Севастополя я знал о появлении на корабле сверчка. Его привёз из отпуска матрос Роман Микитенко, родом из Николаевщины. Ему довелось перевозить пре-

старелую мать из хаты в благоустроенную квартиру, а в народе есть поверье: сверчок — хранитель очага. Помните, это ещё в «Буратино» описано — мудрый, старый сверчок. И вот, чтобы удовлетворить мать, что «родовой сверчок» не погибнет, Микитенко сделал отменную коробку, поймал серо-бурого сверчка в своей хате, идущей на снос, их было, конечно, много там, но он выбрал одного понравившегося, показал его матери и увёз с собой. Прибыв на корабль, он, конечно, не распространялся, но, как говорят, «шила в мешке не утаишь», а сверчка немой не сделаешь, разве только сделав его калекой. Но на такое матрос не способен. И скоро о сверчке знала вся команда.

Вначале были и недовольные, но потом уже по выходе в море Сверчок стал всеобщим любимцем и те, кто раньше возмущался и требовал его удаления с корабля, пришли к помощнику просить отменить решение об его списании. Я сделал это с великой радостью, потому что и сам проникся к нему симпатией. Потом уже мне стал понятен смысл такого поведения — у каждого в душе, где бы он ни был, остаётся частица родного дома, именно дома, где бегал голопузым пацаном. Лучшего напоминания об этом счастливом времени, как живого существа, пропитанного духом этого дома, нет. А Сверчок как нельзя лучше всё это воплощал собой для многих, тем более в те времена подавляющую часть личного состава флота составляли украинцы, русские, белорусы, армяне, грузины. Были и болгары, греки... И если разобратся, то у всех у них Сверчок является признанным домовым. Кажется, сверчки есть всюду. Как-то в одной книге читал: «И мы в течение нескольких минут находились в забытии — по реке текла не вода, а будто свет. И оживали тугаи с каждой минутой. Сверчки, шакалы начали свою вечернюю серенаду». Так что и в пустынях они есть, но везде, наверное, имеют свою национальную принадлежность. Я понял это позднее, натолкнувшись на рассказ о сверчке в воспоминаниях Н. В. Крандиевской-Толстой. Она пишет: «Мы снимали флигелёк в парке, за клубничными грядками, и в стороне от флигелька — маленькую сторожку, где Толстой работал. Это была бревенчатая, прохладная избушка в два окна. Сосновый стол, на нем пишущая

машинка да букет васильков, скамья, плетёное кресло — вот и вся обстановка. За окном густая чаща парка. Тишина. Только шелест могучих лип да медовый запах залетал порой с ветром в этот маленький лесной кабинет. Толстой его любил и говорил, что ему здесь работается лучше, чем в городе.

По вечерам в сторожке, когда на столе зажигали лампы и над абажуром кружились ночные бабочки, вылезал откуда-то сверчок, похожий на маленький сухой сучочек. Он садился всегда на одно и то же место, около чернильницы, и помалкивал. Когда же в стуке пишущей машинки наступали долгие паузы и Толстой в тишине обдумывал ещё не написанное, сверчок осмеливался напомнить ему о своём присутствии. Возьмёт вдруг и стрекотнёт и опять замолчит надолго....

Много лет спустя в немецком курорте Миздрой, устраивая для Толстого рабочий уголок на балконе (он писал тогда «Аэлиту»), я спросила, удобно ли ему и чего не хватает?

— Чего?

— Сверчка. Помнишь, в Антоновке?

— Где же взять его? — сказала я. И обоим нам стало грустно, потому ли, что далека была Россия, потому ли, что далека была молодость? Потому ли, что ни того, ни другого ничем заменить нельзя?».

Вот так у нас на корабле появился нештатный воспитатель патриотизма, бессловесный, но очень эффективный.

Много рассказов о том, как на кораблях жили любимцы команд — медведи, собаки, попугаи, а вот Сверчок... Если бы это было не у меня, я бы тоже вряд ли, может, поверил. Но это факт.

И офицеры не оказались глухими к этому насекомому, зримо напоминавшему о доме. Заходили в кубрик послушать его песню, а там произвольно возникали душевные беседы. Человек не любит выступлений от лица официальных организаций, так называемых полномочных представителей. Именно в беседах, зачинателем которых был Сверчок, это отсутствовало напрочь. Так что он, не подразумевая о том, выполнял большую и полезную воспитательную работу.

Мы часто стараемся убедить людей чем-то глобальным, огромным, и не видим того, что это большое не вмещается в их душах. Не хотим понять, что им ближе маленькое, но очень дорогое для них. А если говорить о живом существе, то здесь очень заметна привязанность человека к тем, кто ищет его защиты. Вы, наверное, замечали, что все нежнее относятся к маленькой болонке, чем к огромному догу. Бывают, конечно, исключения.

Поэтому понимаете моё состояние, когда мне доложили, что исчез Пётр. И другой версии его исчезновения нет, кроме как той — его взяли подводники. Я немедленно стал предпринимать действия, о которых уже говорил Леонид Николаевич. А в это время среди команды тральщика тоже шёл разбор — как это могло случиться? Немалую долю участия принимали и офицеры. Вывод был один — Сверчка похитили! Состояние команды было состоянием незаконно обиженного человека.

Лодка застопорила машины, мы подходили к ней. Швартоваться не стали, вели разговоры мегафонами, ждали выяснений. Командир лодки извинился за причинённое беспокойство. Командир всегда за всё в ответе. Но тогда он ещё не знал, как там внизу. Я видел его волнение и беспокойство, он нервно курил сигарету за сигаретой. Вдруг раздался его радостный крик: «Да, у нас! Присылайте шлюпку!». Это был шаг конём. Чтобы не накалять страсти и не швартовать корабли бортами, я был согласен с его просьбой. Шлюпка мгновенно направилась к подводной лодке, где взяла её замполита с нашим Петром, иногда и замполитам приходится выполнять неприятные миссии, как говорят, выправлять недочёты в своей работе. На борту тральщика состоялась официальная передача нашего Сверчка нам же, конечно, со многими объяснениями и извинениями, которые были приняты членами нашего экипажа. Все поняли мотивы похищения. Проверили состояние Сверчка, и инцидент был улажен «мирным путём». Команда тральщика заверила замполита, что не держит зла на коллег, просили не наказывать ребят. Ещё сказали, что Сверчок долго бы на лодке не прожил, так как он воспитан на чистом морском воздухе, а «на подводной лодке воздух очень плох...», и они слышали,

что животные, которых пытались иметь на лодках, жили до тех пор, пока субмарины находились у причалов, в длительных походах они не выживали. Вот сейчас на атомоходах живут попугаи, черепахи и другая живность в уголках психологической разгрузки. Прогресс налицо.

— Да, это так, — продолжил рассказ Леонид Николаевич. — Когда ребята-подводники слышали концерт Сверчка, у них непроизвольно появилось желание иметь его у себя. Но Пётр был единственным на всё Средиземное море. Что только за него не предлагалось, но он был реликвия, а реликвии не меняются и не продаются. Поэтому, если говорить честно, состоялось его похищение.

Конечно, потом были и комсомольское собрание, и наказания, и душевные беседы. Но... дело не в этом. Само по себе это событие заставляет нас, офицеров, несколько нетрадиционно взглянуть на сам воспитательный процесс. Ведь матрос — это человек 18–22 лет, который ещё крепко связан с домом, приходит на корабль, и мы стараемся ему внушить, что это его второй дом. Но мне кажется, здесь чуть надо изменить интонацию и убеждать его, что корабль — продолжение его дома...

Там, где офицерский состав, анализируя примеры, преподносимые самой жизнью, извлекал уроки и претворял их на деле, как правило, команды были отличные не на бумаге, а истинно такими. Это редко замечалось официально, но хорошо видно по тому, что мне часто приходилось встречать бывших матросов, которые узнавали меня в городском транспорте и в Ленинграде, и в Москве. Все стали хорошими людьми, многие орденосносцами за ударный труд, перещеголяв своих командиров. Очень приятно было слышать от них слова благодарности за хорошее наставничество в жизни. Сейчас это редкость, в печати читаешь только негатив — неужели всё так стало плохо? Порушены традиции, люди стали хуже, не только офицеры... или это кому-то нужно всё чернить? Много вопросов...

Слушатели требовали дальнейших сведений о судьбе Петра. Время близилось к рассвету.

— Чтобы не мучить вас, — сказал Решетников, — буду закру-
гляться. Наверное, его уже нет в живых. Как известно, жизнь
насекомых коротка. Но потомство он наверняка оставил.

Мы ещё с месяц помотались в море и вернулись к родным
причалам Крыма. Тральщик становился в док, многие разъез-
жались в очередные отпуска, а другие поощрялись отпусками
за честную, добросовестную службу. На общем строевом со-
брании корабля было решено и Петра отпустить в бессрочный
отпуск за славно выполненный долг перед родной Державой.
Была выделена делегация во главе с офицером. Петра отвезли
в деревню Андреевка, в степь выпускать не стали, он там мог
и не выжить. Попросили у одной престарелой женщины вы-
пустить его к ней в сарай. Когда ей рассказали его историю, то
она настойчиво просила пустить его прямо в хату, говоря, что у
неё есть свои такие свиристели....

Так вот и закончилась эта история, и наш Пётр снова остал-
ся под попечением Человека.

Пора было расходиться по каютам — моряки и на берегу
комнаты называют каютами, обещают лётную погоду. Вот тебе
и Пётр! У каждого в его жизни и службе есть вехи, вроде бы
незначительные, но запоминающиеся на всю жизнь. Жизнь ин-
тересная штука, и её надо строить вдумчиво и относиться к ней
бережно....

Брезжил рассвет нового дня!

В.К.

Ещё древние ассирийцы утверждали, что боги не засчитывают в счёт жизни время, проведённое на рыбной ловле. Вдумайтесь только, какой глубокий смысл заложен в этих словах! Выходит, что чем чаще человек бывает на рыбалке, тем дольше он проживёт. Согласитесь, трудно возразить что-либо против этого. Поэтому ошибаются те, кто думает, что рыбаки едут на водоёмы исключительно за рыбой...

РЫБАЛКА ПУЩЕ КОМФОРТА

Каждый рыбак знает, что рыбалка — это не образ жизни, а состояние души. Заядлому рыбаку, например, колоссальное удовольствие доставляет подготовка к очередной поездке к этому действию — рыбалке. Он уже, хотя и виртуально, ощущает, как упруго натягивается леска, как кто-то в глубине вод сопротивляется его усилиям... Одним словом, это ни с чем не сравнимое удовольствие.

В подготовке к рыбалке, несомненно, нужно проверить снасти и другое снаряжение. Но основным, пожалуй, является подготовка наживки. У каждого рыбака есть свои «прикормленные» места, свои секреты наживки и прочие премудрости. Один сам выращивает опарышей, другой предпочитает их покупать, а иной в этом деле пользуется услугами подчинённых.

В 50-е годы прошлого столетия начальником гарнизона в Североморске (Северный флот) был генерал-майор Федосеев, страстный рыбак. Весь процесс рыбалки от добывания наживки и до варки ухи он совершал лично, в отличие от других начальников, пользующихся услугами подчинённых. Рыбаки знают, что сравниться с наживкой из навозных червей мало что может. На Севере они дефицит. Добывали их только на животноводческих комплексах, которых в то время на Севере было немного. В Североморске такой единственный коровник располагался на окраине города, куда стекались многочисленные любители рыбалки. На этом комплексе добывал червей и Федосеев. Надевал ватник, кирзовые сапоги, брал лопату и шёл раскапывать «золото».

Был жаркий день, на Севере бывают и такие дни. Испарения от навоза вытесняли кислород, и тяжёлого запаха не выдержал даже привычный ко всему Федосеев. «Ну и воняет!» — выдохнул он. На что мужик, копавший рядом, поддакнул ему: «Нам-то что!? А вот, говорят, сюда ходит генерал — ему-то тут каково?!»

— Да, ему не позавидуешь, — ответил генерал-майор Федосеев.

Прошло несколько дней. После удачной рыбалки общество отмечало успех обычным застольем. Уху, как всегда, готовил Федосеев. В этой компании появился новый участник, который признал в Федосееве своего соседа по добыванию червей. Он с восторгом рассказывал о процессе их добывания в навозных кучах, ссылаясь при этом на Федосеева. Тот подтверждал правдивость рассказа. В пик рассказа рыбак чуть не поперхнулся рыбьей косточкой, когда один из членов общества обратился к Федосееву:

— Ох, товарищ генерал, и порадовали вы нас ухой!

Рассказчик изменился в лице, вспомнив свои слова в адрес генерала при раскопке червей. Стал извиняться перед Федосеевым за бестактность. На что Федосеев ему сказал:

— Успокойтесь, мичман! Здесь нет генералов и лейтенантов — есть рыбаки. Мы все равны перед этим увлечением. А по чёт тому, кто больше поймает и всё сделает своими руками!

Вот так-то, господа начальники!

В.К.

Мы с соседом по лестничной клетке
На рыбалку сбегали от жён,
Взявши удочки, спиннинги, сетки,
Ящик пива, простой закусон.

Ночевали с соседом на сене,
Укрываясь накидкой одной,
Звёзды ярко горели на небе
И совсем не хотелось домой.

Заболел мой сосед, а соседка
Укатила в деревню к родным.
Взял я удочки, спиннинги, сетки,
На рыбалку уехал один.

Не клевало, я рано вернулся,
Ожидал меня дома сюрприз:
Я в квартире с соседом столкнулся,
Был достаточно гол его низ!

Мы расстались с женою без шума.
А сосед-то каков молодец!
А у бывшей, ты только подумай,
От соседа родился малец.

На рыбалку теперь я не езжу:
увлечение моё огород...

Э.А.

ПОДВОДНИК НА КРЮЧКЕ

В субботний вечер члены рыбацкой команды, незанятые в воскресенье службой на лодках, уютно устроились в каюте плавказармы, планируя предстоящий поход на зимнюю рыбалку. К ним прибился незнакомый с этим видом рыбалки капитан 2 ранга К-н. После тоста «За тех, кто в море» он решил, что готов к предстоящему лыжному переходу на озера, сверлению лунок в полутораметровом льду да и к самому процессу добычи лососевых зимой. А периодические «сходки» к костру им были освоены и на летней рыбалке. Добравшись на «автопилоте» поздно вечером домой, К-н нарушил основное правило хорошей рыбацкой практики — он отложил на утро сборы, а ведь это грозило, как показывает опыт, сорвать клев.

Его оправдывало только то, что снастей, ледобура и прочих прикормочных для зимней рыбалки у него не было. Он надеялся, что, забыв о рыбацком поверье — не давать никому на рыбалке любую малость, даже крючок, друзья выделят необходимое. Ведь обещали.

Утром его разбудил свист уже собравшейся компании. Подскочив, первое, что увидел К-н, была домашняя любимица кошка, жалобно мяукавшая у дивана, так как он вечером, по понятным причинам, её не накормил. От злости К-н чертыхнулся. Ведь давно известно, что увидеть кошку любой породы и цвета утром перед рыбалкой не обещает хорошего клева. Лучше увидеть собаку — клев гарантирован. Поддав кошку тапком, неудачник кинулся собираться. Чтобы как-то сгладить итоги нарушения первого рыбацкого правила, он сначала достал пять-шесть крючков, воткнул их в лист писчей бумаги, сложил его вчетверо и сунул в карман канадки. Бриться не стал — плохая примета. Пока шло одевание амуниции, К-н сварил пару яиц. Опять прокол. В рюкзак кинул флягу, как без неё, а также кое-

какой «закус». Но здесь впопыхах была допущена очередная ошибка, причем грубейшая. В рюкзак ушла банка с рыбными консервами. А ведь всяк рыбак знает, что на рыбалку нельзя брать рыбу в любом виде, как и яйца.

Вроде готов. Но то ли вчерашнее «шило» было несвежим, то ли грязные руки, но живот предательски урчал. Туалетная бумага в те времена даже в Москве была жутким дефицитом, и страдалец, обоснованно считавший себя интеллигентным человеком, за службу написавшим кучи рапортов, инструкций и наставлений, не мог для обеспечения комфорта на рыбалке опуститься до использования банальной газеты. Поэтому он сложил и положил в другой карман канадки несколько листов писчей бумаги. Окинув прощальным взглядом квартиру, К-н пожалел, что жена уехала на юг к маме. А ведь верная примета хорошего клева — это скандал, который устраивает жена рыбаку перед его уходом на водоём.

Первое, что увидел рыбак, открыв дверь, была соседка, она завершила операцию «Не стучи ведром». Опешившему К-ну соседка тут же пожелала хорошей рыбалки. Какая наглость. По рыбацким поверьям она, во-первых, была лишней на тропе рыболова, да еще с пустым ведром, а во-вторых, вместо доброго пожелания она должна, опять же по рыбацким поверьям, показать ему кукиш. Пусть даже из-под полы или из-за ведра. Одно немного утешало, что это была соседка, а не теща. Опытный рыбак, вероятнее всего, тут же вернулся бы домой.

Но зов толпы звал его на лыжню. Впереди до намеченного озера около семи километров скалистой заснеженной тундры и озер. По небу, полыхая, переливаются сполохи изумительно-го северного сияния, освещающая рыбакам лыжню.

В животе у К-на тем не менее продолжалась бунтарская революция, и он вынужден был периодически сходить с лыжни. Рыбаки, несколько снижая темп, продолжали движение к цели, что позволяло страдальцу в конечном итоге догонять напарников. При очередной страдальческой посиделке тундру огласил истошный рев. Команда замерла на лыжне, многие подумали, что на оголенного частично К-на напала росомаха. Случалось,

по слухам, изредка и такое. Оглянувшись назад, рыбаки в свете северного сияния увидели К-на, который в стороне от лыжни стоял на четвереньках и истошно орал. Кампания вернулась назад. На зад у К-на, как у пятнистого оленя под хвостом, красовалось белое пятно. Стоя в недостойной для мужчины позе, он выл и указывал рукой на свою пятую точку. Осветив фонарем место ниже его пояса, рыбаки увидели, что к его ягодицам прилип лист бумаги. Оказалось, К-н при очередном присесте перепутал карманы канадки и употребил бумагу с крючками, которые все скопом впились намертво в его тело.

Решение было найдено довольно быстро. Хирургический зажим и сейчас имеет всяк уважающий себя рыбак, ведь им увлекают глубоко застрявшие в пасти рыбы крючки. Вот этот зажим и был признан самым подходящим инструментом в данной ситуации. Осталось найти способ анестезии. От удара пешней по верхней точке тела отказались сразу, но пешня все же была признана годной и в этом случае. Полкружки спирта влили в страдальца, рукоятку пешни дали зажать зубами. Оставшийся в кружке спирт вылили — нет, не в снег, а на пятую точку. Только могучие руки друзей не позволили К-ну доскакать на четвереньках домой. Зажимом поочередно выдирали крючки вместе с мясом из тела несостоявшегося зимнего рыбака. Скрипя всеми суставами, друзья пожертвовали оставшимся спиртом для дезинфекции ран.

Рыбалка сорвана, так как нужно было доставить раненого в санчасть.

Мужики, мойте руки перед питьем и рыбалкой! Не нарушайте рыбацких заповедей!

В.М.

Сколько отдано морю и дней, и ночей;
Сколько было тревог и событий.
Было много дорог в жизни флотской моей
И не счесть погружений и всплытий.
И случалось, порой ты не знала, что я
Через день ухожу в автономку.
Ты подолгу стояла, застыв у окна,
Мне удачи желала вдогонку.

Э.А.

ЦЕНА ВОПРОСА

У каждого из нас есть свой пунктик — заморочка. Командир атомохода капитан 1-го ранга Афанасьев просто вкладывал всю свою душу в обеспечение постоянной боеготовности родного «ракетовоза». Отсутствие хотя бы одного офицера или мичмана он воспринимал как чрезвычайное событие, поэтому при порыве офицера убыть в служебную командировку или отпуск всегда задавал один и тот же вопрос: «Замена есть?» С годами это стало как бы шаблоном, пунктиком, поэтому иногда случались курьезные ситуации.

Как-то к нему обратился молодой киповец с просьбой отпустить его в краткосрочный отпуск, так как жена вот-вот готова родить первенца и её необходимо отвезти к маме в места южнее полярного круга. Командир, занятый какими-то бумагами, слушая будущего папу в пол-уха, не задумываясь, автоматически задает вопрос: «Замена есть?». Лейтенант, не поняв, к чему относится вопрос командира, недоуменно пожимает плечами. Замена по должности или, о срам, супруги?

Замены по должности нет, менять жену жалко, поэтому лепечет: «Нет». Пришлось лейтенанту сопроводить её до Мурманска, а там как уж повезет. Если верить сослуживцам, нечто подобное произошло у Афанасьева и дома. Попытка благоверной выяснить мнение мужа о её возможной поездке с детьми к родителям привела к тому же сакраментальному вопросу. А далее события развивались по сценарию, написанному известным поэтом:

По лицу любимой промелькнула тень
И взгляд сверкнул такой обычно кроткий.
Последнее, что помнил в этот день,
Был черный диск чугунной сковородки.

В.М.

Поезд тронулся, ты на перроне,
Одинокий прекрасный цветок.
От волнения в душном вагоне
Я на верхнюю полку прилёг.
Снилась мне наша первая встреча,
Звуки музыки, актовый зал.
Твои хрупкие девичьи плечи
Осторожно я обнимал.
Я проснулся. Прохлада ночная.
От неё улетучился сон.
Ждёт далёкий меня гарнизон
И нелёгкая служба морская.
Мне ещё предстоит научиться
Жить в разлуке, вдали от тебя...
Там, в заснеженной Западной Лице,
Ждут меня боевые друзья.
Бухта. Скалы. Подводные лодки
Чутко дремлют на тёмной воде.
Завтра в море, но грустные нотки
Ты в моём не услышишь письме.

Э.А.

Мой друг мечтал подняться в небо,
А я, покинув отчий дом,
Ушёл служить военным моряком
И в выборе своём разочарован не был.
Случайно встретились через десяток лет.
Летает он, мечтает в космонавты.
Подводник я. Сменившись с вахты,
Хотел бы чаще видеть солнца свет.
И вот он космонавт. Герой. И генерал.
И я, не хвастаясь, чего-то стою:
Атомоходы для Отчизны строю.
Но в звании я от него существенно отстал.
Прошли года. Мы с ним сполна отдали дань,
Служа Отчизне в небе, под водой.
Мы заслужили отдых и покой,
А местом жительства мы выбрали Рязань.
Встречаемся на дачах. После бани
Сидим всё больше за столом.
Беседы, разбавляя коньяком,
Разматываем нить воспоминаний.
Посадки жёсткие, крутые перегрузки —
Не раз мой друг всё это испытал.
А я горел и экстренно всплывал.
Похоже, мы играли не в игрушки!
У друга внук уже пилот,
Осваивает небо в лётной школе.
А мой, влюблённый в корабли и в море,
Ушел, как я, служить во флот!

Э.А.

КАК ПЕРВОГО КОСМОНАВТА В ПОДВОДНИКИ ПОСВЯЩАЛИ

Юрий Гагарин после окончания военного училища попал на Кольский полуостров, блок-пост России в Арктике. Он приступил к полетам с аэродрома Луостари, а мы, молодые лейтенанты, выходили в море с баз Северного флота, в том числе и с Линахамари. В летописи Северного флота записано: «Североморские летчики по праву гордятся тем, что в их рядах служил первый в мире космонавт Ю. А. Гагарин». Но это немного не так. Юрий Гагарин не был морским летчиком. Он состоял в рядах ВВС, которые взаимодействовали и прикрывали силы Северного флота, но не были в его составе. Так что здесь чисто профессиональная гордость за коллегу, а потом, мы жили на одной земле и были в равной степени за неё в ответе.

Луостари и Линахамари расположены поблизости друг от друга, а весь этот район в морском просторечии характеризовался как «Лихо на море», одним словом, не лучшее место на Кольском полуострове. Из Луостари Ю. Гагарин попал в отряд космонавтов. И только уже в 1965 году, на вершине своей славы, ему посчастливилось еще раз посетить эти места. Во время этого визита он побывал и на первой базе атомного подводного флота Западной Лице, где на одной из подводных лодок флотилии вышел в море и был посвящен в братство подводников.

О малоизвестном факте из жизни первого космонавта я хочу рассказать. Прошло уже 46 лет, и некоторые детали этого эпизода, рассказанные мне моим товарищем Анатолием Ефремовым, сокурсником по училищу подводного плавания, уже стираются из памяти. А сам Толя Ефремов рано ушел из жизни. В тот далекий 1965 год я был назначен помощником командира на атомную подводную лодку с крылатыми ракетами «К-131» проекта 675. В конце декабря 1965 года мы пришли с

новостройки на нашей ПЛАРК «К-131» в родную базу Западная Лица. В Лице много было разговоров о недавнем посещении базы первым космонавтом мира Юрием Гагариным. Рассказы были разные и противоречивые. Я попросил Анатолия Ефремова, непосредственного участника «крещения» Гагарина в подводники, рассказать мне, как все было. Толя уже был старшим помощником командира атомохода. Тогда Юрий Алексеевич был звездой первой величины, и за ним чиновники всех рангов присматривали пуще, чем за своими глазами. Известно, что от чрезмерного рвения обычно и случаются всякие казусы. В те времена все, что касалось подводного флота и космоса, было засекречено. Правда, космос был мечтой всех мальчишек, они о нём знали все, а вот о подводном флоте — немного.

На мой вопрос о Гагарине Ефремов ответил так:

— Мужик он отличный, наш, с океана. Да, мы его посвятили в подводники, но немного не по правилам. Указание сверху. Об этом приказано было не распространяться, но кое-что тебе расскажу.

Почему выбор пал на нашу лодку, не знаю. Но перед выходом нас, командира, меня и механика, замучили инструктажами работники политорганов различных уровней. Они требовали не погружаться ниже перископной глубины. Но плавание на этой глубине с опущенным перископом очень рискованно, хотя полигон усиленно охранялся надводными кораблями. Еле убедили их, что будем ходить на безопасной глубине 40 метров. Чтобы стать настоящим подводником, надо поплавать на рабочей глубине, а для нашего проекта это 240 метров. Мы эту глубину должны были имитировать докладами. Сделали это, уведя Юрия Алексеевича из центрального отсека, где у него перед глазами был боцман на рулях и глубиномеры. А он летчик, и ему все это знакомо... Предварительно ему разрешили посмотреть в перископ, после чего он сказал: «И через этот маленький глазок вы общаетесь с миром?». Наперебой стали объяснять устройство лодки, свита была внушительная, «знатоков» было хоть отбавляй, все хотели попасть в историю. Нам надо было с командиром доводить «спектакль» до конца. Все

прошло на высоте, без всяких издержек. На мой взгляд, Юрий Гагарин понимал все, но принял правила навязанной ему игры. Через полтора часа всплыли, пообедали в кают-компании, поговорили на различные темы, поздравили Юрия Гагарина со вступлением в братство подводников, чему он был несказанно рад. В честь этого события подарили ему нашу канадку (кожаная куртка из овчины, непременный атрибут офицеров-подводников. — *В.К.*). Подарком он остался доволен, сказав, что ему в ней было бы гораздо удобнее в космосе, чем в скафандре.

Вот так мы свозили первого космонавта в океан. И не его и не наша вина, что он так и не побывал на глубине 240 метров... — Так закончил свой рассказ мой товарищ Толя Ефремов, настоящий подводник.

Выступая после выхода в море перед подводниками флотилии, Юрий Гагарин высказал свои впечатления: «Ваши подводные лодки похожи на космические корабли, а вы все герои...» Далее он говорил о том, что знал и раньше о нелегкой службе подводников, но не представлял всей её сложности.

Флотский поэт, капитан 2-го ранга Виктор Сергеев отразил это в стихотворении «День подводника» так:

И снова — смены, вахты и тревоги...
И как будто бы нормально все вполне,
Но кто не знал подводников дороги,
Тот не представит это и во сне.
Не зря Гагарин, побывав на лодке,
Сказал: «Ребята, в небе проще!»
А нам — привычно. С каждой автономкой
Мы прибавляем флоту его мощи.

Позже космонавтами становились и моряки, например, Валерий Рождественский (полет на корабле «Союз-23» в октябре 1976 г.), который писал: «На вопрос, что же объединяет военных моряков и космонавтов, отвечаю: роднит их процесс, взять хотя бы самое простое — термины. Полет осуществляется в космическом корабле. У нас есть такие понятия, как «звездоплавание», «космоплавание». При стыковке на орбите — причали-

вание. Во время этой операции мы тщательно исследуем переходные люки, как, к примеру, при работе водолазов с экипажем подводной лодки. В дальних полетах космонавты, подобно морякам, надолго отрываются от дома, от родной земли. Знают, что такое риск, умеют быть мужественными, владеть собой. Если заставляет обстановка, сами справляются с необходимым ремонтом. И моряки, и космонавты никогда не унывают, сохраняют бодрость духа в самых трудных ситуациях, всегда готовы поддержать товарища и себя остроумной шуткой. Но главное, конечно, постоянная нацеленность на максимум дела, на выполнение любого сложного задания. Космонавты много берут у моряков. И сами любят делиться опытом. Нам частенько выпадает трудиться бок о бок, порой находимся, образно говоря, в корабельном режиме».

Правильные слова, под которыми готовы подписаться все моряки и космонавты.

В.К.

Друзья мои, спешу сказать вам: «Здрасте!»
Спешу обнять, поговорить.
Иметь друзей такое счастье,
Которым надо дорожить!
В любви всё держится на страсти,
А дружба бескорытием сильна.
Я верю: дружба — это счастье,
Награда высочайшая она!
Мне в жизни нечего бояться:
Не страшен сам девятый вал.
Мои друзья — моё богатство
И мой надёжный капитал!
Мы все у возраста во власти:
Совсем седая голова моя.
Терять друзей — страшной несчастья,
Поверьте мне, не знаю я!
Забудем, к чёрту, про напасти
И соберёмся у огня.
Жить на земле — большое счастье,
Когда вы есть, мои друзья!

Э.А.

ИЗДЕРЖКИ РАННЕГО НАЗНАЧЕНИЯ

Прослужив командиром моторной группы чуть больше года, только получив звание инженер-старший лейтенант, выпускник «Голландии» назначается на своей лодке механиком. Прежний мех ушел в академию. Не сдавший самостоятельно ни одной «Задачи №1», едва соприкоснувшийся с ремонтом и модернизацией, еще рыхлый молодой мех с опаской смотрел в свое будущее. Командир лодки капитан 2-го ранга К. в «сговоре» с флагмехом, отстаивая кандидатуру выдвиженца, заявили комбригу: «Мы знаем, что он еще дурак, но знаем, на что он способен». Комбриг капитан 2-го ранга Кичев сходил целенаправленно в море и вместе с флагмехом долго «гоняли» по механизмам, документам кандидата. В июне 1959 года состоялось назначение, а в августе на Северном флоте началось общецлотские учения.

Завеса лодок формировалась в районе между Гренландией и островом Ян-Майен. В море вместе с вновь испеченным мехом пошел флагмех бригады инженер-капитан 2 ранга Кирюшкин Ю. А., а также офицер РТС штаба дивизии. Участок открытого перехода проходили в условиях жесточайшего шторма, но он был ничто в сравнении со штормом, ожидавшим нас на позиции. Заняли «нарезанную» позицию, погрузились на глубину 100–120 метров, в отсеках режим тишины, акустики слушают горизонт, работают оба мотора экономического хода.

Мех, набравшись храбрости и чтобы показать свои познания в «Наставления по боевому использованию технических средств», корректно сообщил командиру, что этот режим движения наставлением не рекомендуется, так как суммарный расход электроэнергии в этом случае практически равен расходу энергии при движении малым ходом под одним главным гребным электродвигателем. И также этот режим не безопа-

сен — время отключения обоих фрикционных муфт моторов экономического хода и перехода на главные электродвигатели довольно значительно, что может привести к провалу лодки на глубину. Командир проигнорировал это предложение.

Ночью на третьи или четвертые сутки акустик доложил, что слышит шум винтов. Командир вскочил со своего штатного места и ушел за выдвижные устройства к рубке гидроакустиков, дав команду: «Стоп оба мотора, муфты не отключать». Через некоторое время лодка, находившаяся без хода, стала погружаться, командиру через каждые пять метров, как и положено, следовал доклад об изменении глубины. В силу своего характера командир практически никогда не отвечал на прием доклада. Когда глубина погружения увеличилась уже на 15 метров, мех, не выдержав неизвестности, кинулся к командиру. Тот, заткнув своим кожаным регланом прямоугольное окно в двери рубки гидроакустиков, слушал горизонт и докладов не слышал. Пока переходили на главные гребные электродвигатели, лодка «просела» значительно. Молодому меху досталось на орехи. На завтра замполит, недавно пришедший на лодку с торпедных катеров, повесил боевой листок со стишком:

«А механик растерялся —
В глубину корабль идет.
Он за столик придержался,
А команду не дает».

Зам просто не знал, что изменение режима движения и глубины в обычных условиях — прерогатива командира лодки.

Дни шли за днями, а конвой не появлялся. В то же время погода просто свирепела. Длина волны более чем в два раза превосходила длину лодки, а высота волны порой была больше пятнадцати метров. В ложбине между волнами лодка оказывалась как на дне бокала — вокруг стена воды, а на вершине — горизонт отодвигался невиданно. Крен был таков, что стоя на подножке мостика, можно было рукой коснуться пробегающей мимо волны. В подводном положении на глубине 120 метров крен достигал 8–12°. Такого ни до, ни после этого слу-

чая встречать не приходилось. Конечно, от движения под РДП пришлось отказаться, так как удержать лодку на перископной глубине было очень сложно и «срочные погружения из-под РДП» проходили одно за другим. Поломок материальной части, к счастью, не было, но случилась одна неприятность — короткая потеря хода.

Вахтенный моторист в условиях шторма принял в расходный топливный бак (в пополняемую в это время его половину) топливно-водяную эмульсию из расходной цистерны. При переключении бака на расход топлива из этой половины бака вода попала в топливную систему дизеля. Дизель стал. Попадание воды в прецизионные узлы насос-форсунок могли тут же привести к их задиру. Плунжерные пары становились ремонтонепригодными. ЗИПа было недостаточно, чтобы заменить все шесть насос-форсунок. Вспомнив опыт подводников периода войны, стали спускать воду через все спускные отверстия, прокачивая дизель ручным топливным насосом и проворачивая его валоповоротным устройством. Через минут пятнадцать из спускных отверстий пошло чистое топливо и дизель стали готовить к пуску. Пуск был успешным. Но неприятности для меха-салаги еще были впереди.

Радиометристы доложили, что обнаружили работу корабельных РЛС. Командир лодки повел лодку на сближение с конвоем. На перископной глубине под моторами полным ходом шли против этой гигантской волны. Из-за довольно большой взаимной скорости лодки и набегающих волн перископ очень сильно вибрировал. Практика показывает, что возможен выход из строя сальникового уплотнения перископа. Мех, как ему и положено, проинформировал командира. Удержать лодку на перископной глубине при такой волне было сложно, лодку выбрасывало на поверхность. Мех сверх расчетной принял в уравнительную цистерну около семисот литров воды. Лодку стало меньше выбрасывать, но возникла другая беда: как только крыша ограждения рубки отрывалась от поверхности воды, утяжеленная лодка самопроизвольно погружалась и на то, чтобы вернуть её вновь на перископную глубину, уходило неко-

торое время. Это очень нервировало взвинченного до предела командира, тем более, что флагманский специалист РТС дивизии неоднократно жужжал командиру: «Командир, мы идем в противоположную сторону от конвоя». Аппаратура того времени была крайне несовершенна.

При очередном нырке лодки, когда головка перископа глубоко ушла под воду, нервы командира не выдержали и он командовал: «Позвать в центральный пост флагмеха». А механику объявил, что отстраняет его от управления боевой частью пять. Флагмех спросил у меха: «Сколько воды сверх расчетной принято в уравнительную цистерну?» Услышав в ответ: «700 литров», заявил, что и он на такой волне не удержит лодку.

Конвой мы не нашли, флагРТС оказался прав. Через двое суток получили сигнал о возвращении в базу. Мех по приказанию флагмеха несет как обычно службу. Так как на лодке испытывали высокосернистые дизтопливо и масло, техническим управлением флота было дано указание 60% ходового под дизелями времени идти средним или полным ходами. Командир принимает решение, где позволяет надводная обстановка, переход совершать на этих режимах. В результате лодка прибыла в базу на сутки раньше срока, к великому удивлению штаба дивизии, который встречал лодку на пирсе. Командир лодки доложил командиру дивизии результат похода и отметил, что в походе снял механика с должности. Комдив капитан 1 ранга Егоров Г.М. потом долго беседовал на пирсе с флагмехом и флагРТС и потребовал механика к себе. Тот, как обычно, не был в строю, а проверял приведение лодки в исходное положение внизу в отсеках. Комдив подробно расспросил меха о состоянии материальной части, сколько миль пройдено полным ходом, какие были в походе поломки. Получив ответ, неожиданно спросил у меха:

— Почему не носите нагрудный знак «Командир подводной лодки»?

— Знак никто официально мне не вручал, а самодел цеплять не желаю, так как всем известна реакция командиров на решение Главкома ВМФ, — ответил мех.

Дня через четыре отстраненного механика вызывают в кают-компанию, где находятся командир, старпом и замполит. Зажав нервы в узду, командир официально попросил извинения у меха. Еще через пару дней комдив прибыл на подъем флага и перед строем вручил меху нагрудный знак. Вскоре командир ушел на 629 проект, а к нам командиром назначили капитана 2 ранга И. Белого, который очень уважал инженер-механиков.

Позже мех, несмотря на слёзные просьбы сотрудников музея судостроения и флота г. Николаев передать в музей этот нагрудный знак, отказал им, отдав дубликат. Через несколько лет дубликат перекочевал в экспозицию, посвященную нашему земляку Главкому ВМФ, Герою Советского Союза, адмиралу В. Н. Чернавину, и ждет замены на подлинник.

В.М.

Подводнику капитану 2 ранга М.

Грохочут дизеля, жужжат приборы,
От качки начало мутить.
А волны — разгулявшиеся горы,
Подлодку с курса норовят свалить.
Она то носом зарывается в волну,
То оголяет винт — и это неприятно.
От качки бы уйти на глубину,
Утихнет шторм — в надводное обратно.
Цель обозначена: догнать АУГ,
Атаковать авианосец.
Наш командир пока что без заслуг,
Он молод, не орденосец.
Но будет им, уверен экипаж,
Ему задачу выполнить поможем.
Услышал шум винтов акустик наш,
Торпедами — по авианосной наглой роже!
Полярный день придёт на смену ночи,
И лето вдруг заглянет в нашу местность.
Награды морякам — путёвки в Сочи,
А командиру — орден и известность!
Такую я отмечу данность:
Поход закончился успехом.
Минёру нашему в приказе благодарность,
А вот механика назначили флагмехом!

Э.А.

ПЕРВЫЙ ЛЕЙТЕНАНТСКИЙ

Вездесущий флотский фольклор затронул и тему офицерских отпусков. Видимо, еще до войны какой-то безвестный мариман написал:

«Солнце светит и палит —
В отпуск едет замполит.
Как созреют помидоры —
В отпуск двигают минеры.
И просидев штаны до дыр,
В отпуск едет командир.
На дворе мороз опять —
В отпуск едет БЧ-5...»

Первый командир ПЛ «С-345» капитан 2 ранга К. строго следовал этому принципу. Так как командир БЧ-5 инженер-капитан-лейтенант В. Майоров мечтал о поступлении в Военно-Морскую Академию, а приемные экзамены там, естественно, летом, командир решил до его отъезда в академию как можно раньше в новом году отправить командира моторной группы в отпуск. Поэтому 2 января командир после подъема флага сообщает «группену», что онный со вчерашнего дня в отпуске. Шутка. Нужно идти и оформлять отпуск с 3 января.

С тощим чемоданчиком лейтенант прибыл в Мурманский гражданский аэропорт Мурмаши. Билетов в кассе нет, и в ближайшем обозримом будущем и не предвидятся. Страдальца, сидевшего в зале ожидания в позе роденовского мыслителя, заметил техник морской авиации — счастливый обладатель билета. Он посоветовал взять такси и «рвануть» в Килп-ярви — там находится военный аэродром, самолеты Ли-2 и ИЛ-14 практически каждый день уходят на Ленинград за грузами.

Вняв совету, прикупив пару бутылок коньяка, «лей» едет в неизвестное. На месте методом опроса туземцев выясняется, что через несколько часов Ли-2 пойдет на Ленинград, его экипаж отдыхает в домике. Повизгивая от мороза, подводник отсидел пару часов на завалинке, когда наконец из двери вывалился отдохнувший экипаж. Командир не мог отказать подводнику, передал его на попечение штурману, сам ушел в рубку руководителя полетами. Пассажира разместили в грузовом отсеке среди ящиков и тюков, перетянутых такелажной сеткой. Скоро ли, далеко ли пришел командир, ушел в отсек экипажа и закрыл за собой дверь. Взлетели. Надо заметить, что это летающее приспособление вне кабины экипажа не имело теплоизоляции — просто голый дюралюминиевый корпус и продольные лавки с обоих бортов. Буквально через 30 – 40 минут подводник, одетый в шинель на «рыбьем меху» и в ботинках на тонкой кожаной подошве, стал замерзать. Не выдержав мук, лейтенант достал негнушимися пальцами бутылку коньяка и стал барабанивать в дверь. Нет, не во входную, а к экипажу. Забывшая о его наличии команда, включая командира, ошарашенно смотрела на подводника. Он сведенными до неподвижности губами попросил стакан. Щелкнуть по бутылке и произнести цирковое ву-а-ля он уже не мог.

Командир, хлопнув по шлемофону в том месте, где размещался его лоб, пригласил с извинениями лейтенанта в теплый отсек, а увидев бутылку, произнес сакраментальную фразу: «А что у тебя есть?»

Бутылка за содружество наших родов войск была осушена. Полет прошел нормально. Сели в Ленинграде. Штурман ерничал авиационным фольклором:

«...Мы с приятелем летели,
Приземлились, мягко сели.
Высылайте запчастя —
Фюзеляж и плоскостя...»

В.М.

Южный город. Солнце. Зной и нега.
Я мечтаю уж который год:
Навсегда от серых скал и снега
Убежать в прекрасный город тот.
Вот я здесь. Цветут каштаны.
Я купаюсь в речке по утрам.
Отчего мне Севера туманы
Стали часто сниться по ночам?
Не растут там васильки и клевер,
И ромашка тоже не растет...
Возвращаюсь я на Север,
Где меня подлодка ждет.

Э.А.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОТРУДНИЦЫ МОРСКОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ СЛУЖБЫ

В одном из далеких заполярных гарнизонов — базе многоцелевых атомных подводных лодок на имя секретаря парторганизации отдела морской инженерной службы (МИС) поступило гневное письмо от начальника теплоцентрали Г-ой, в котором она просила помощи в наведении порядка с трудовой дисциплиной среди работниц службы. Суть письма в следующем.

Полярной ночью дежурный оператор котельной увидела по приборам повышение давления горячей воды в магистрали, подводящей этот теплоноситель к жилым домам гарнизона, хотя котельная работала в штатном режиме. Выждав определенное время, оператор отправила свою помощницу найти причину повышения давления. Вооруженная ручным фонарем, она, нырнув в пургу и полярную ночь, пошла вдоль теплотрассы. Надо заметить, что на севере скальный грунт не позволял укрыть трубопровод, как это делается в средней полосе. Теплотрассы почти во всех северных гарнизонах укрывались в деревянных коробах, заполненных утеплителем. Для различного рода задвижек, распределяющих воду по разным районам поселка, делались невысокие бетонные «башенки-колонцы» с обычным чугунным люком наверху. «Обходчица», поёживаясь от пронизывающего ледяного ветра, мужественно продвигалась вдоль трассы, утопая в метровом снегу. Так она добралась до первой «башенки». Чтобы определить состояние задвижки, ей пришлось карабкаться вверх по обледеневшему скоб-трапу, где её ожидало нештатное положение крышки люка — она была приоткрыта. Сквозь завывания ветра она услышала стоны женщины. Подумав, что какая-то несчастная случайно упала в колодец и не может оттуда выбраться, обходчица сдвинула в сторону крышку люка и осветила ну-

тро колодца фонарем. Ее ожидало разочарование — стонала молодая женщина, но не от боли, а от удовольствия. Молодой сотруднице МИС М-ой доставлял удовольствие молоденький мичман К-в из этой же службы. Так как громадный маховик задвижки не позволял им занять выбранную из «Камасутры» позу, задвижку закрыли. Увещевания «обходчицы» прекратить безобразие и возобновить теплоснабжение гарнизона, не морозить детей и взрослых успеха не имели. Более того, два голоса в унисон послали её туда, где газетная бумага теперь не используется, а позже еще покруче — языком портовых кабаков. Наконец процесс был завершен, задвижка открыта, люк задраен. Влюбленные ушли в пургу, а «обходчица» с чувством выполненного долга вернулась в котельную.

То ли оскорбленное словом самолюбие, то ли зависть сподвигли даму с фонарем написать заявление о грубом нарушении трудовой дисциплины служащими морской инженерной службы и пустить его по инстанциям. Мичмана наказали по строевой линии. Поведение дамы рассматривали на заседании партбюро. «Заседателей» очень интересовали детали и подробности происшествия. За нарушение трудовой дисциплины даме объявили замечание.

У всех бывают минутные слабости.

В.М.

Когда-то много сил мы отдавали лодкам,
По поводу и без употребляли водку,
На танцы бегали, к молодкам...
Казалось, будет так всегда!
Прошли года, в былые увлечения
Жизнь резкие вчертила измененья:
Теперь частенько ходим мы в кино,
Не водку, а сухое пьём вино.
На танцы? Нет! Играем в домино.
Что ждёт нас в будущем, совсем уж недалёком?
Стакан, наполненный морковным соком,
Сухарик пресный на обед,
А на ноги — верблюжьей шерсти плед.
Часами у окна смотреть в окно,
Как мужики играют в домино
И вспоминать... А что потом?
Ни капельки вина, прогулки только до окна.
На завтрак и обед кефир,
А вместо ужина — клистир!

Э.А.

ВАСЬКА

После семи лет службы на Северном флоте и четырех лет на Балтике меху предложили назначение на должность замкомандира по ЭМЧ дивизии дизельных ракетных подводных лодок. Громом среди ясного неба был вывод военно-врачебной комиссии — не годен к службе на подводных лодках, годен к службе на надводных кораблях. Тут же последовало предложение о назначении на должность старшего офицера отдела эксплуатации технического управления Балтийского флота. Но неожиданный телефонный звонок расстроил этот план. Начальник военно-морской кафедры Николаевского кораблестроительного института им. адмирала С. О. Макарова предлагает должность преподавателя этой кафедры, но просит приехать с личным делом. Командир 37-ой ДПЛ контр-адмирал Пранц вызвал секретчика и приказал выдать уже официально не подводнику личное дело фактически под честное слово.

Так оказался на кафедре.

К 23-му февраля решил поздравить офицеров штаба 37-ой дивизии, отослав им в Лиенау посылку с Украины. К трем бутылкам «горилки з пэрцэм» — хороший шмат самого толстого на рынке сала, «часнык та цыбулю» и что-то еще. Посылка ушла в адрес флагманского химика дивизии Г. Цыплина — очень общительного и отзывчатого офицера, большую часть службы прошедшего на Северном флоте. На его «Москвиче» штабники в свободное от службы время объездили большую часть прилегающей к Лиенау хуторской «глухомани», вызывая своей черной флотской формой недоумение, а чаще уважение, так как нас бывшие «лесные братья» принимали за войска СС. Дождались их, родименьких.

Химику было уже давно за тридцать, но детей не было. Поэтому в посылку еще кладу пластмассовую игрушку «писа-

ющий мальчик» с бирочкой: «Гена, посылаю образец Васьки, старайся». В конце года получаю телеграмму — родился сын, назвали Васькой!

До сих пор неизвестно, что настроило струны его души на нужный лад. То ли «горилка з пэрцэм», то ли «цыбуля з часныком», то ли сало — ведь оно, как говорят на Украине, «тэж нэ тупэ».

В.М.

*Вероника. Правнучка, почетный гость всех флотских мероприятий.
Фото А. Кремко*

*Это было со мной тогда, когда в Рязани
ходил трамвай и я на нём ездил на службу.*

Вхожу в трамвай и вижу диво:
Точёный профиль, стройная нога
И волосы уложены красиво,
Чуть-чуть подведены огромные глаза.

Наряд её был бесконечно смел:
Какое декольте она носила!
Я на неё с восторгом посмотрел,
Она в ответ... мне место уступила!

Э.А.

КОШКИН – КОТ

Флотская история знает немало случаев, когда на одном корабле по воле случая или шутки кадровиков служат люди с созвучными фамилиями. На подводной лодке проекта 629 «К-142» с бортовым «винно-портвейновым» номером «777» командиром служил капитан 2 ранга Бочкин С. И., а старпом был Старкин. Однако эта «пьяная» связка не смогла помешать экипажу лодки совершать коллективный подвиг. Лодка первой выполнила стрельбу ракетой «Р-21» из подводного положения. Жаль, что этот подвиг подводников не оценен по достоинству до настоящего времени. Но на этом не закончилась эпопея связки «777» — Бочкин — Старкин». Старкин уходит с повышением на другую лодку, но спустя некоторое время на лодку назначают командиром электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенанта Наливайкина. Трехэлементная «молекулярная цепочка» восстановилась. Об этом достоверном факте сообщил в письме соплаватель по подводной лодке «С-345», затем служивший в губе Оленья на «К-82», командовавший лодкой 675 проекта «К-131» и закончивший службу в ЦКПВМФ капитан 1 ранга В. Т. Кулинченко.

Созвучность фамилии довольно часто приводила и к недоумениям по службе.

В гарнизоне многоцелевых атомных подводных лодок Мотовского залива оперативным дежурным флотилии как-то заступил капитан 2 ранга Кошкин. Среди ночи ему понадобились какие-то сведения от дежурного по одной из дивизий. Набрав нужный телефонный номер и представившись, он, привыкший к наличию у него в рубке специального дежурного на связи мичмана-сверхсрочника, попросил позвать дежурного по дивизии. В ответ услышал: «Дежурный по дивизии капитан 2 ранга Кот». Подумав, что его разыгрывают при исполнении им столь

высоких должностных обязанностей, он довольно «вежливо» высказался, что он думает о своем визави, но в ответ опять получил: «Дежурный по дивизии капитан 2 ранга Кот слушает». Диалог Кошкин – Кот длился еще некоторое время. Наконец, доведенный до состояния белого каления, Кошкин пообещал в телефон, что утром он этому Коту оторвет гениталии, и бросил трубку. Но дело есть дело, информацию нужно все-таки получить, он звонит домой командиру дивизии. И тут выясняется, что действительно на дивизии сегодня дежурит капитан 2 ранга Кот.

Еще долго, сидя в кресле, Кошкин шипел, как раскаленная сковорода на мокрой кухонной тряпке. Ведь осуществить обещанную экзекуцию гениталий теперь было проблематично.

В.М.

От пенсии до пенсии
Живем мы с вами весело
Хватает нам на хлеб и молоко.
На праздники бывает
Икорку покупаем
И каждый день в бутылочках пиво.
С весны до самой осени
В земле на дачах возимся:
Картошка, помидоры, огурцы.
Зимою с разносолами
Крепкие веселые —
Такие мы ребята-молодцы!
Сладостными муками
Игру считают с внуками,
Кто вовсе с этим незнаком.
А внуки разыграются,
Все поломать стараются,
Гудит от их присутствия весь дом!
Мы все такие разные,
Но встречи наши праздником
Считали и считаем до сих пор!
А если занеможется,
Друзья спешат к нам с помощью —
Такой у нас негласный уговор!

Э.А.

Злой ветер и воет, и свищет,
И слабые рвет паруса.
Стареем, болеем, дружище,
Не те уж у нас телеса.
Бывало, наглажен, начищен
На берег желанный сойдешь...
Да молодость нашу, дружище,
Уже никогда не вернешь.
Все чаще у медиков ищем
Спасенья от боли и бед.
Лекарство мое — дружище,
Цены у которого нет.
Мечтает богатый и нищий
Надежного друга иметь.
Спасибо тебе, дружище,
Спасибо за то, что ты есть.

Э.А.

ЧОП*

Я вспомнил этот рассказ своего коллеги-сослуживца, когда увидел подводную лодку-музей, созданный на базе дизельной подводной лодки «Б-396», получившей прописку в Москве. Капитан 1 ранга Евгений Сазанский был командиром однотипной лодки проекта 641Б «Б-437», которая на год раньше (в 1979 г.) вошла в состав ВМФ СССР. Строились эти лодки на верфях города Горький, «где яркие зорьки» (ныне Нижний Новгород), а для госиспытаний сплавлялись по Волго-Донской системе в Чёрное море (к слову, Волго-Донской канал был быстро построен благодаря именно подводным лодкам, строящимся в городе Горький, но это особый рассказ. — *В.К.*). Конечным пунктом в Чёрном море была база Балаклава или, как называли её моряки, «Баба-Клава».

Когда собираются подводники, они обычно припоминают необычные случаи из своей профессиональной деятельности, которые часто содержат много поучительного. Такие беседы можно назвать своего рода неофициальным методом распространения профессионального опыта. Хочу привести рассказ Евгения Сазанского прямо от его лица.

— Наш сплав на Волге для команды прошёл очень интересно и увлекательно. Полезные занятия и работы сочетались со здоровым отдыхом. В Балаклаве началась напряжённая работа, срочно «букашку» (Б в кириллице читается «буки»), так называли лодки этой серии на флоте, надо было вводить в строй. Мне навсегда запомнился заключительный этап испытаний — глубоководное погружение.

* Деревянная конусная пробка для заделки круглых пробоев в прочном корпусе. Входит в состав аварийного комплекта отсека. В армейском и флотском обиходе — наказание.

Все знают, что Чёрное море обладает одной особенностью — на глубине более 200 метров лежит мертвая вода, насыщенная сероводородом. На курортах она используется как лечебная (типа «Мацеста»). Эта вода к тому же очень агрессивная. Многие из команды рассчитывали на глубине набрать такой воды, чтобы полоскать рот.

Пришли в полигон и, как положено, начали погружение на рабочую глубину 270 метров с задержками и обязательными осмотрами и прослушиванием всех отсеков через каждые 10 метров. Погружение проходило без особых замечаний, незначительные неисправности устранялись на месте. На рабочей глубине мы ещё должны были в течение полчаса ходить средним ходом. Где-то минут через 20 до всплытия поступил доклад из первого отсека. Докладывал командир минно-торпедной части: «В отсеке наблюдается сильное отпотевание!» «Ничего страшного, — ответил я, — это обычное явление». Но командир отсека возразил мне: «Но ведь отпотевание не бывает соленым и с запахом сероводорода!». Дискуссии на эту тему не получилось. Программа испытаний была выполнена, и мы, благополучно всплыв, вернулись на базу.

На следующий день готовились к подписанию акта о приёме лодки в строй и вступлении ее в состав соединения. В ходе этих мероприятий подходит ко мне командир БЧ-3 и говорит: «Товарищ командир, хотите посмотреть отпотевание?». — «Конечно, хочу», — ответил я. — «Тогда пойдёмте на лодку».

Мы прошли с ним на носовую надстройку. Он пролез в лёгкий корпус и позвал меня. Пришлось лезть за ним. Там я увидел следующее. На месте акустического гидрофона была пустота, а его кабельный стакан в прочном корпусе был забит дубовым чопом и срезан заподлицо с верхней кромкой. С большим трудом его извлекли из отверстия. Чоп полностью держал давление воды где-то до 200 метров, а после всё-таки начал фильтровать воду, которая и выступала в отсеке в виде отпотевания... Что было, если бы чоп не выдержал на глубине 270 метров, думаю, никому объяснять не надо. Пришлось об этом чопе доложить выше. Подписание акта откладывалось, а чем это гро-

зило в те времена... Очень многие лица за этот чоп получили уже не дубовые, а ещё более тяжелые «чопы». Так из-за одного «умельца» могло погибнуть множество людей...

Так закончил свой рассказ командир Евгений Сазанский.

Вот и подумаешь после подобных случаев, а я подобные случаи переживал не раз, верить ли в судьбу или нет, особенно в подводницкую УДАЧУ. Не всем везёт!.. Ведь больше повезло не «Б-437», а её подруге «Б-396», которая теперь представляет все подводные силы России. Да, некогда Подводный флот СССР и России был мощнейшим щитом Родины, а сегодня подводные лодки вымирают, как динозавры!

В.К.

На службе

50-ЛЕТИЮ АВАРИИ «К-19»

Вы аварийно всплыли в океане,
На сотни миль вокруг вода.
Отсек реакторный в тумане,
Большая к вам пришла беда.
Защита вовремя упала,
Решётка опустилась вниз,
Вода из контура хлестала,
В отсек вошёл дозиметрист.
Там радиация взбесилась,
Измерить не хватало шкал.
Растерянность недолго длилась,
По громкой связи командир сказал:
Задача трудная довольно
Корабль от гибели сберечь.
Кто согласится добровольно
Заделать контурную течь?
И добровольцы объявились,
Смертельным оказался риск.
А через год над их могилой
Был установлен обелиск!
Сюда перед походом дальним
Всегда приходят моряки,
Не говорят речей печальных,
Кладут к подножию венки.
Уходят в море по тревоге,
Как будто в настоящий бой,
Неведомы пути-дороги,
Что предстоят им под водой.

Э.А.

Стихи посвящены 10-летию гибели «Курска»

Раздался взрыв, огромной силы взрыв
в отсеке первом субмарины,
Подлодка камнем полетела вниз,
успев остановить нейтронные машины.
В отсеках кормовых людей ещё живых
была надежда на спасенье.
Народ, узнав, молил: спасите их,
ведь не война, а флотские ученья!
Но не спасли и виноватых нет
(большое человеческое горе!),
Погас надежды слабый свет, могилой экипажу стало море.

Э.А.

*Порой мы уходили в море по тревоге,
не известив своих близких. Об этом стих.*

Нас вытолкнули в море по тревоге,
Не объяснив, что, как и почему.
Не смог предупредить,
Ведь ты уже в дороге,
И встретить я тебя,
Конечно, не смогу.

Записку для тебя в дверях оставил,
Ты без меня, пожалуйста, не трусь.
Нет исключения из правил:
Не знаю я, когда вернусь.
Прочтешь записку, постучись к соседям
И дверь открой оставленным ключом.
Мы в гости к белым направляемся медведям
И обязательно на полюс всплывём!

Сойду на лёд и ось земную
Рукой потрогаю и обойду вокруг.
Шаг в сторону одну, потом в другую...
Куда бы не пошёл, повсюду юг!
Звучит команда «Погружение!»
Задраен люк, спокоен командир,
Подлодка начала движение
В подводный мир, опасный мир...
Когда-нибудь придёт конец тревоге,
Подлодка повернёт на курс «домой»,
Меня ты встретишь на пороге,
Мы в океан любви погрузимся с тобой!

Э.А.

ФЛАГМАНСКОЕ КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Подводные лодки проекта 613, как автомат Калашникова, быстро разошлись по разным странам. Их по лицензии даже строил Китай. 38 лодок почти безвозмездно ушли: 12 — в Индонезию, 10 — в Египет, 4 — в КНДР, 4 — в Польшу, 2 — в Болгарию, 2 — в Албанию (правда, при разрыве отношений с этой страной она «приватизировала» нахально еще две лодки) и одна — на Кубу. Египту часть лодок была сдана в аренду. По окончании срока аренды две «египетские» лодки волей судьбы оказались на Балтике. Состояние их было, мягко говоря, никудышним. Сказалось специфическое отношение египтян к эксплуатации техники и ошибки наших проектировщиков и строителей, не подразумевавших, что лодки будут эксплуатироваться вне наших климатических зон. Изоляция оборудования, включая и радиоэлектронное, не была приспособлена к обитанию в тропиках и субтропиках, поэтому грибки, бактерии и прочая нечисть активно разъедали оболочки проводов, краску и другие покрытия.

Спехватившись, проектные институты, кораблестроители и эксплуатационники в 60-х годах стали изучать на практике тропическую агрессивную среду в разных широтах. В частности, в Индонезии в военно-морской базе Суробая практически постоянно работало несколько групп, исследуя антикоррозионные покрытия, изоляционные материалы, совмещая полезную работу с выездами на океан или весьма приличные бассейны.

Возвращенные Египтом лодки «С-17» и «С-18» обследовала комиссия. На обоих лодках многие кабели силовой сети имели или нулевое сопротивление изоляции, или близкое к нему. Поэтому, чтобы арендаторы смогли привести эти лодки к бывшим владельцам, многие кабельные трассы были отключены от щитов и автоматов, а через открытые переборочные двери вдоль отсеков проложены новые кабели.

Подводную лодку «С-17» признали годной к дальнейшей эксплуатации и отправили в Лиенау на СРЗ «Тосмаре» для ремонта, который требовал почти полной замены всего корабельного оборудования, освидетельствования и замены большей части кабельных трасс. Из технического управления флота прибыла комиссия для обследования последних. После осмотра трасс было принято решение в проблемных местах разрезать кабели резак, для чего рубка радиометристов была полностью очищена от всего оборудования, убрана дверь, на пол уложен на всякий случай резиновый коврик, подведено с берега освещение, а трасса отключена от автоматов, щитов и щитков. Казалось, что безопасность обеспечена полностью.

Командир отделения электриков, которому поручалось резать кабели, предусмотрительно надел диэлектрические сапоги, перчатки и по указанию председателя комиссии стал поочередно резать кабели разного сечения, а комиссия на срезе изоляции оценивала ее состояние, брала образцы для какого-то НИИ.

Председатель комиссии, никогда не державший в руках резак, решил освоить и это дело. Старшина вежливо предложил одеть диэлектрическую амуницию, но прошедший все круги подводничкой службы флагмех отверг дельное предложение старшины. Плоским рычагом от пучка был отделен один из кабелей, и седой Ф5 резанул его от души.

Сноп искр, пламени, дыма с ревом заполнили тесную рубку радиометристов. Члены комиссии, давя друг друга, вылетели в отсек. Последним из рубки с достоинством вышел флагмех, держа в руке останки резака. Пожара, к счастью, не было. Отдышавшись, стали разбираться — как в пучке оказался не обесточенный кабель. Оказалось, что и арабам не чужда рационализация.

А «С-17» все же порезали на металлолом.

В.М.

ДВА СТАРПОМА

В печальные для флота, да и других видов вооруженных сил, времена, когда страной руководил знаменитый «кукурузовод», на заводах рабочие со слезами на глазах резали крейсера очень удачного проекта 68-бис, которые были практически готовы к сдаче флоту. Их недостроенных собратьев уничтожали прямо на стапелях. Так со стапелей не сошли заложенные в 1954 году в Северодвинске крейсер «Варяг» и его коллега по несчастью из соседнего эллинга. А у достроечного причала там же с уже окрашенного крейсера снимали башни главного калибра.

Более того, стали выводить из состава флота и разоружать артиллерийские крейсера, прослужившие на флоте по нескольку лет. В то же время в американском флоте артиллерийские корабли времен Второй мировой войны служили десятки лет. Их активно использовали в локальных конфликтах. Повезло подводным лодкам, их стали строить ускоренным темпом, большими сериями.

В 1961 году подводную лодку «С-345» поставили в текущий ремонт с модернизацией на судоремонтный завод №35 в Росте под Мурманском. Казарменными помещениями штаб бригады ремонтирующихся кораблей не располагал. Была только плавказарма, забитая до отказа. Поэтому экипаж лодки разместили в каютах и кубриках списанного крейсера, который уже начали «дерибанить», а его экипаж сократили до минимума. Кораблем командовал бывший старпом крейсера. Надо заметить, хороший старпом.

Списанный уже корабль внешне был еще ухожен, дежурно-вахтенная служба неслась исправно. Настроение старпому крейсера портили только подводники, не привыкшие к крейсерским догматам и знаменитой на флоте крейсерской организации службы.

Лодку ошвартовали лагом к борту крейсера, её старпом капитан 3 ранга, разместив личный состав лодки по кубрикам и каютам, решил пойти в штаб бригады ремонтирующихся кораблей, прихватив с собой механика. Издерганный жилищными проблемами старпом лодки, выйдя на верхнюю палубу крейсера, ощутил, что у него ниже ватерлинии «срывает резьбу», нужно срочно осуществить процесс «минус попить». Надо заметить, что на подводных лодках надводный галльюн сделан несколько необычно. «Толчок» галльюна сообщается с заборным пространством прямой трубой, и поэтому при качке лодки или при набеге волны все, что находится в трубе, ходит «тудемосюдемо», орошая, пардон, пятую точку страдальца. Естественно, из-за этого неудобства подводники, нарушая флотские заветы Петра, «поливают» прямо в ограждении рубки, а VIP-персоны — с крыши ограждения рубки. Ведь при погружении вода-то все размочит. Привыкший к подводным вольностям, не колеблясь, лодочный старпом прямо с юта крейсера стал орошать Кольский залив.

Крейсерский старпом, увидев это непотребство, был взбешен до глубины души и вцепился в нарушителя. З., одетый в задрипанную ремонтную канадку и ушанку без краба, бедрами (руки заняты) пытался отбиться от надоедливости старпома крейсера. Разобравшись в сути претензии, заявил: «Я старпом субмарины, не вой. Если хочешь, залезь на крышу ограждения рубки и покажи чайкам свое достоинство!» Закончив процесс, подводник, покидая крейсер, решил сгладить свою «некоторую» бестактность. Махнув рукой в сторону флагштока, он сказал: «Глянь, там и флага нет».

Надводный старпом понял, что выпестованный им годами красавец корабль по воле равнодушных к судьбе флота чинов низведен по рангу ниже плавказармы.

В.М.

ПОСЛЕДНЕМУ ИЗ ПЕРВОГО НАБОРА

Последний, кто из нас останется живой,
Не поленись и оторвись от печки,
Молитву закажи за упокой
И каждому поставь по свечке.

Покинув храм, не торопись домой,
Взгляни на купола, на голубую высь,
Там души наши обрели покой,
За них ты Богу помолись.

Мы знаем, ты не веришь в чудеса,
Как заново судьбу свою не сложишь.
Поверь, мы здесь, на небесах,
Но наши голоса услышать ты не сможешь.

Когда тебя встревожит что-то
И ночь ты проведёшь без сна,
Поставь перед собою наше фото,
Налей в бокал чуть-чуть вина.

Расслабься, выпей, будь здоров,
Все будет хорошо, не сомневайся,
А жизнью, главным из земных даров,
Отпущенной тебе по праву, наслаждайся!

Э.А.

О ПОЛЬЗЕ САМОВОЛКИ

О рассеянности и забывчивости женщин ходят легенды. Но одно дело забыть дома косметичку (хотя они её никогда не забывают), а другое дело, уезжая на Северный флот в закрытый подводнический гарнизон, забыть дома у мамы все документы. Ведь на подступах к Североморску забывчивую «отфильтрует» контрольно-пропускной пункт. Даже если чудом удастся прорваться через него дальше к причалу, купить билет на катер, следующий в Полярный и Ягельный, без паспорта еще не удавалось никому. Граница.

Вспомнив, что подводники своих в беде не оставляют, горемыка двинула в пригород Мурманска Росту, где расположен судоремонтный завод. Вся в слезах она открывает пост №1 у проходной завода. Через пару часов на неё натывается командир подводной лодки «С-152» (в народе — ракетная «лягушка»). Лодка завершила доковый ремонт и вот-вот должна уходить домой в Ягельный. Командир капитан 2 ранга Гелий Верховцев до отхода решил разговеться недоступным в родной базе пивком и теперь возвращался на корабль в умиротворенном состоянии. Орошая слезами парадно-повседневную тужурку командира, растеряха пролепетала свою проблему. Командир есть командир. Решение было найдено мгновенно. Гелий забирает у неё чемодан и идет на корабль. Там он вызывает старшину — годка, который был заподозрен в самоволке, но не был пойман.

Как Ходжа Насреддин методом веревочной петли и палки, он добывает у самовольщика координаты дыры в заводском заборе. Самовольщику дается приказание обеспечить проникновение на территорию завода постороннего лица, а сам командир стал на «атасе». За кучами каменного угля был отрыт лаз и отодвинута доска. Дама в приличном прикиде на шпильках

по-пластунски проникла на завод, а далее через гору угля и полузатвердевший битум чумазая была доставлена в каюту командира. Когда она «скользила» по трапу боевой рубки, вдувной вентилятор почему-то, как обычно при посещении лодки женщиной, матросики не включили. Сами знаете, зачем включают.

Через несколько десятков минут лодка ушла в базу. Обошлось без навигационных и прочих происшествий. Видимо, стальные корпусные конструкции экранировали мостик от чреватого последствиями излучения женщины. А оно у неё сильное. По себе знаю.

В.М.

*Дорогая моя Екатерина Матвеевна.
Пишет Вам боец регулярной Красной армии... и Флота*

ОНИ ПРИШЛИ И УШЛИ ТИХО, ПО-АНГЛИЙСКИ...

Летом 1952 года поезд, собрав по дороге вчерашних школьников, мечтающих стать военно-морскими офицерами, поздним вечером прибыл на вокзал Севастополя. Представители училищ тут же рассортировали их на будущих «нахимовцев» и «голландцев» (если повезет) и доставили салаг в одно место — бухту Стрелецкая, где для кандидатов Высшего военно-морского инженерного училища (в народе «Голландия») на берегу моря колючей проволокой был отгорожен довольно обширный участок с большими палатками. Над воротами висел оптимистичный призыв «Добро пожаловать», а с тыла устрашающий «Выход запрещен». После проверки документов и обязательной стрижки наголо нас развели по подготовленным заранее палаткам отдыхать. Южное солнце прервало крепкий юношеский сон, и вновь прибывшие еще до подъема потянулись, конечно же, к морю. Пройдя несколько десятков шагов, я с удивлением увидел громадный корабль, стоявший на якоре лагом к берегу, а носом — в сторону главной бухты. Он был недалеко, в тишине раннего утра слышали даже звон рынды, отбивавшей, как теперь понимаем, склянки. Для многих это был первый увиденный наяву боевой корабль, в том числе и для меня.

Тогда я еще не знал, что этот корабль будет долго влиять на судьбу моей семьи. В 1953 году по проторенной мной тропе в Голландию поступил мой младший брат Юрий. На отлично сдав обе сессии за первый курс, он после плавпрактики понял, что флотская служба не для него. Его влекли горы, или, видимо, он попал не на лучший корабль. Дважды завалив зимнюю сессию второго курса, он был отчислен и после флотского экипажа направлен на линейный корабль «Новороссийск». Суровые законы того времени не засчитывали срок службы в учили-

ще, и брату пришлось положить на алтарь отечества еще 5 лет службы на линкоре «Новороссийск» и крейсере «Калинин». В 1955 году, уходя в увольнение, я часто бывал на этом линкоре у брата. За несколько дней до трагедии линкора брата свезли в госпиталь с сильно поврежденной при постановке корабля на бочку ногой. А через три дня форс взрыва прошел через его кубрик, где обитала часть личного состава 2-ой башни главного калибра 1-го артдивизиона.

Несколько слов о самом корабле.

Линкор «Новороссийск» (прежнее название «Джулио Чезаре», «Юлий Цезарь») был заложен в Генуе (Италия) в 1911 году. В составе итальянского флота он находится до 1943 года. После выхода из войны Италии линкор был интернирован англичанами и уведен на о. Мальта, где находился под наблюдением итальянского сокращенного экипажа в течение пяти лет. В результате корабль был доведен до состояния мусорной свалки. В плачевном состоянии находились механизмы, переборки, устройства и прочее.

В таком виде союзники и передали его советскому экипажу, прибывшему для приема корабля. Быстро освоив корабль, экипаж перегнал его в Севастополь, и 5 марта 1947 года на нем в Севастополе был поднят военно-морской флаг. Корабль после средних ремонтов и ряда модернизаций стал флагманом Черноморского флота.

Водоизмещение корабля составляло 29 100 т, длина 186,4 м, осадка 10,5 м, скорость полного хода 27 узлов. 10 орудий главного калибра 320 мм в четырех башнях, 12 орудий калибра 120 мм, 38 пушек зенитного вооружения. Экипаж более полутора тысяч человек.

Начались боевые будни корабля.

Вечером 28 октября 1955 года линкор вернулся из очередного похода и стал не на свои бочки в глубине бухты, а на бочки линейного корабля «Севастополь» у морского госпиталя. «Севастополь» незадолго до этого перешел к стенке морского завода в Южной бухте. Трагедия произошла глубокой ночью. В 1 час 30 минут 48 секунд под кораблем в носовой его части по право-

му борту раздался двойной взрыв, разрушивший все горизонтальные перекрытия, включая верхнюю палубу и палубу полубака. Образовалась огромная пробоина площадью 150–175 м², края пробоины загнуты внутрь корабля на 3–5 метров, киль перебит. Общая площадь вмятины днища более 340 м². Личный состав корабля, отдыхавший в своих кубриках в районе взрыва, в большей своей части погиб, как и погибла значительная часть солдат-новобранцев, прибывших на корабль в качестве пополнения и размещенных на ночлег в шпильевом отделении. По военно-морской базе была объявлена боевая тревога, и город мгновенно погрузился во тьму, только прожекторы стоявших вблизи кораблей освещали место трагедии. На корабль прибыли аварийные партии с других кораблей, офицеры штаба флота (7 адмиралов, 25 старших офицеров), но никого не было на Главном командном пункте корабля, никто не принял на себя обязанности командира корабля (он был в отпуске) и не возглавил борьбу за живучесть линкора.

О героической борьбе за живучесть личного состава корабля, его гибели рассказано участником этих трагических событий доцентом НУК им адм. Макарова Борисом Кирилловичем Хлопенко (в то время служившем на линкоре лейтенантом) в его статье «Линкор «Новороссийск».

Выдвигались различные версии взрыва корабля:

- взрыв ящичной немецкой донной мины, установленной немцами при уходе из Севастополя (очень удобная для командования флота версия);
- инициирование с помощью подводных диверсантов взрыва заряда ВВ, заложенного в специальную выгородку еще в Италии;
- взрыв донной немецкой мины RMH с массой ВВ 1040 кг;
- «свідомі люди» выдвинули в последнее время версию, что линкор взорвали сами «Советы», чтобы иметь повод захватить проливы Босфор и Дарданеллы.

Но ни одна из них не выдерживает серьезной критики, каждая имеет очень слабые места. От последней пахнет паранойей.

Долгие годы об этой трагедии официальная печать старалась не упоминать. И только после статьи «Взрыв» в газете

«Правда» (14.05.1988 г.) писателя-мариниста Н. Черкашина в печати стали появляться материалы об этой трагедии, унесшей из жизни 611, а возможно, и более человек. После 1-й украинской конференции писателей-маринистов в Севастополе (23.10.2009) ко мне пришло письмо удивительной женщины Ольги Васильевны Матусевич, вдовы исполнявшего обязанности командира БЧ-5 капитана 3-го ранга Матусевича Ефима Михайловича, погибшего в посту энергетики и живучести линкора, но не покинувшего своего командного пункта. Она многие годы собирает сведения о погибших сослуживцах мужа — матросах, старшинах, мичманах и офицерах. Много она нашла, но многое еще нужно найти. Оказалось, что среди погибших было 19 человек, призванных из Николаева и области. Данные о десяти она нашла, и родственникам этих погибших вручены ордена «Мужества», но о родных остальных 9 николаевцев сведений нет, хотя велся кропотливый поиск.

Вот о помощи в поиске сведений об этих оставшихся и просила женщина-стоик.

В Национальном университете кораблестроения им. адмирала Макарова и в Николаевской ассоциации ветеранов-подводников им. адмирала В. Чернавина мы наметили такие направления поиска:

- еще раз пойти по официальному пути, через начальника областного управления юстиции Шаталюка Дмитрия Сергеевича (он бывший подводник, главный старшина). Эта работа через начальников управлений юстиции районов и адресное бюро проведена. Оказалось, погибшие на линкоре были слишком молоды и не оставили наследников;

- используя пассажиров пригородных автобусов, едущих через нужное село без пересадки, пустить по селу карточки с данными поиска родственников. Работа идет;

- подготовить телепередачу на Николаевском ТВ о трагедии «Новороссийска». Этот видеофильм был снят 18.01 в музее адм. С. О. Макарова. В съемках участвовали Б. К. Хлопенко и автор. Идет монтаж видеофильма, в котором по документам, присланным О. В. Матусевич, будут названы погибшие николаевцы.

– к 55-ой годовщине трагедии будет подготовлена статья для газеты «Вечерний Николаев» и журнала «Фарватер- submariners» (г. Харьков).

В процессе проведения этих работ один из зав. лабораторией университета сообщил, что в книге известного флотского автора А. Е. Тараса «Сверхмалые подводные лодки 1914 – 2004 гг.», минское издательство, 2004 года он видел материалы о подрыве «Новороссийска». Удалось достать эту книгу и снять ксерокопию. Постараюсь рассказать о новой версии причин гибели линкора А. Тараса, которая сейчас, спустя 55 лет, начинает обсуждаться во флотских кругах.

С большой степенью достоверности автор обосновывает версию, что эту подлодку совершили английские диверсанты-подводники. Он сообщает, что после трагедии ЦК КПСС обратился к итальянской компартии с просьбой проверить след 10-ой флотилии МАС князя Боргезе. Ответ был отрицательный. В Италии к концу войны были уничтожены все управляемые человеко-торпеды и сверхмалые подводные лодки. После их уничтожения личный состав флотилии участвовал в карательных операциях в горах против партизан, отличившись жестокостью. Поэтому они были под жестким контролем. Компартия Италии не допустила бы даже попытки диверсии.

Однако не все так однозначно. Известно, что в пятидесятых годах одна из итальянских фирм в г. Ливорно («гнездо» флотилии МАС) организовала производство сверхмалых лодок на экспорт. Первая лодка осенью 1955 г. еще проходила ходовые испытания в Ливорно, к тому же заряд ВВ, имевшийся в арсенале этих лодок, не мог произвести таких разрушений линкора.

Разрабатывать далее итальянскую версию — дело вкуса каждого.

Сторонников немецко-минной версии отошлю к журналу «Морской сборник», №10, 1992 г., его статье «Гибель ЛК «Новороссийск». Мина маловероятна». Теоретически и экспериментально доказано, что различные варианты минной версии при всей ее удобности маловероятны. Хорошим подспорьем статьи служат также материалы Н. Черкашина, особенно его

«Реквием по линкору». Почитайте его цепочку случайностей (журнал «Смена», № 23, 1988 г., с. 30). Восемь случайностей должны были встретиться в одной точке, в одно время и взорваться с интервалом в одну секунду.

И наконец, сошлюсь на мнение нескольких остепененных военно-морских специалистов, приведенное в приложении к книге Б. Коржавина (с. 205). Выводы они сделали спустя 36 лет после трагедии. Это обдуманые выводы, а не «горячие пирожки». Время ставит по своим местам события и факты, меняет мнения людей.

«Характер разрушения корпуса и палуб линкора «Новороссийск» не соответствует характеру разрушений, полученных при подрыве на неконтактных донных минах во время Второй мировой войны и в послевоенный период — английского линкора «Нельсон» и немецких линкоров «Гнезенау», «Шарнгорст», американского крейсера «Бельдаст» и советского «Киров». Полученные повреждения больше напоминают повреждения, полученные английскими кораблями «Вэлиент» и «Куин Элизабет», немецкого линкора «Тирпиц» в результате действия ПДСС. Повреждения двум первым нанесли итальянские подводные диверсанты, а последнему — английские.

Единственной страной, обладавшей с времен войны сверхмалыми подводными лодками, сохранившей боевой опыт подводных диверсантов 12-ой Специальной флотилии, была Англия.

Обратимся к книге В. Дмитриева и др. «Подводные москиты», ВИ, МО СССР, Москва, 1969 г.

«В Англии в начале 1952 г. в строю находилось пять сверхмалых подводных лодок серии «ХЕ», а к 1954 г. осталось только одна. В связи с этим акционерному обществу «Виккерс Амстронг» была заказана пятая серия сверхмалых подводных лодок из четырех единиц «Х51 – Х54», представляющая незначительную модификацию лодок серии «ХЕ». Они отличались от серии «ХЕ» установкой постоянной трубы перископа, возвышающейся на 1,7 – 1,9 м, стационарной антенной радиосвязи и увеличением экипажа до пяти человек (из них 3 офицера).

Лодки вступали в строй начиная с 1 октября 1954 г. с интервалом три месяца» (данные иностранной печати).

Таким образом, английские подводные диверсанты к началу октября 1955 года располагали пятью новыми лодками серии «Х». Располагать — не значит уметь их использовать, но они умели. Используя управляемые торпеды, диверсанты в годы войны потопили крейсер в Палермо, провели в Специи две успешные операции — потоплено два крейсера, в Сиаме потоплено два транспорта. С 11 по 20.09.43 г. они провели операцию «Источник» в Альта-фиорде. Участвовало 6 сверхмалых лодок против «Тирпица», «Шаргорнста» и «Лютцова». С задачей справились только две лодки «Х6» и «Х7», сильно повредив «Тирпиц». Он вышел из строя на шесть месяцев. А ведь им пришлось десятки миль прорываться к ним через минные поля, сети по узкому, извилистому фарватеру. Сам «Тирпиц» в глубине фиорда был окружен сетями и сторожевыми кораблями. В 1944 году они уничтожили плавдок длиной 150 метров и два транспорта. Конечно, было много неисправностей, потерь и неудач. Из специальной 12-ой флотилии (180 чел.) погибло 21,6 %, при этом при выполнении операции погибло только 13 человек, то есть боевые потери всего лишь 7,2 %.

Возникает вопрос — для чего нужна была диверсия против «Новороссийска»? А. Е. Тарас поясняет: это было время разгара холодной войны. НАТО располагало сведениями, что в Советском Союзе организовано производство активно-реактивных снарядов калибром 305 и 320 мм с дальностью полета снарядов около ста километров. Известно было также количество уже готовых снарядов, способных нести ядерный боезапас. Они предназначались для других проектируемых кораблей, но подходили и к «Севастополю», и к «Новороссийску».

В свою очередь, я также думаю, что Специальная 12-я флотилия не могла простить военно-морскому флоту СССР гибели своего руководителя, лучшего водолаза, капитана Лайонэла Крэбса. В июне 1953 г. Англия торжественно отмечала коронацию своей королевы Елизаветы. «Владычица морей» пригласила на это мероприятие корабли многих стран. От СССР

туда прибыл отряд боевых кораблей в составе двух крейсеров проекта 68-бис и четырех эсминцев. С блеском став на шпринг, перекрыв английские нормативы в пять раз, крейсер «Свердлов» занял отведенное ему место. Как и положено, в чужих водах на крейсере было организовано противодиверсионное наблюдение. В один из дней у борта крейсера была замечена цепочка всплывающих пузырьков воздуха. Предположив, что под бортом крейсера находится водолаз «гостеприимных хозяев», по официальной версии, турбинами провернули винты на задний ход. Водолаза втянуло под винты. Труп Крэбса позже всплыл ниже по течению реки Темза, но без головы. Имя капитана Крэбса долго кочевало по страницам газет мира. Недавно в одной из газет России промелькнуло признание бывшего советского подводного пловца, что именно он уничтожил любопытного капитана.

Лодки типа «Х» имели по бортам два сбрасываемых контейнера с зарядом взрывчатого вещества от 1620 до 1993 кг каждый и взрыватели с часовым механизмом. Лодки последней пятой серии «Х51 – Х54» могли иметь ядерный заряд типа «Голубой Дунай» мощностью 20 килотонн. Контейнеры имели в поперечном сечении форму полумесяца и кумулятивную выемку. При сбросе, имея смещенный к середине центр тяжести, они ложились на грунт кумулятивной выемкой вверх. Часовые механизмы обоих контейнеров настроены были так, что после подрыва первого контейнера второй взрывался через одну секунду (вспомните двойной взрыв при подрыве «Новороссийска»). Разные источники указывают, что в это время в Черное море вошли четыре транспорта. Один из них, английский, сделал необъяснимый крюк в сторону Севастополя. Возможно, это он доставил пару английских лодок к территориальным водам, а далее путь для лодок был свободен, только ковровую дорожку им не постелили. Если это так, то это была самая простая и легкая операция для английских подводных диверсантов. Ни мин, ни сетей, ни гидроакустических станций, ни вахтенного корабля, а от открытых боновых ворот до линейного корабля рукой подать.

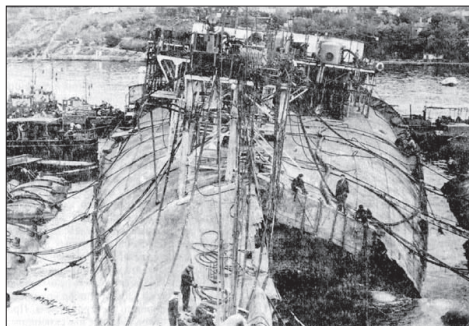
Правда, они ошиблись при сбросе зарядов на десяток метров — заряды не попали под погреб главного калибра. Возможно, диверсанты предполагали, что на своих бочках должен стоять «Севастополь», тогда место сброса совпало бы с погребом башни №1. Суммарный взрыв был бы ужасен — пострадали другие корабли, пострадал город. Сброшенные под «Новороссийск» контейнеры за счет кумулятивных зарядов пронзили 136 мм суммарной толщины днища, второго дна, палуб, убив сразу около 90 – 100 человек, остальных 500 человек умудрились убить наши флотоводцы с церковно-приходским образованием и несколькими спецкурсами флотского направления.

Героическим усилиям личного состава по борьбе за живучесть корабля были противопоставлены неприятие руководством флота многих требований «Корабельного устава», игнорирование рекомендаций по спасению личного состава и линкора «Новороссийск» в целом, даже начальника Технического управления флота, погибшего вместе с большей частью личного состава электромеханической боевой части.

Правительственная комиссия, расследовавшая обстоятельства и причины гибели линкора в 1955 году, сочла виновниками его гибели командующего флотом Пархоменко, начальника штаба эскадры Никольского и старшего помощника командира корабля Хуршудова, одним из главных виновников гибели большого числа моряков назван член Военного совета Кулаков.

Вот уж потомству не в пример.

В.М.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каржавин Б. Гибель линейного корабля «Новороссийск». Документы и факты. — СПб: Политехника, 1992 г.
2. Тарас А. Сверхмалые подводные лодки 1914 – 2004 гг. — Минск: Харвест, 2004 г.;
3. Уоррен Ч., Бенсон Д. Волны над нами. — Москва: «Центролит», 2004.
4. Черкашин Н. Взрыв. — «Правда». — 14.05.1988 г.
5. Норченко А. Будет ли конец итальянской версии. — «Морской сборник». — №9. — 1994 г.
6. Шубочкин Е. и др. Гибель линейного корабля «Новороссийск». Мина маловероятна. — «Морской сборник». — №10. — 1992 г.
7. Тайны гибели «Новороссийска». — «Площадь свободы». — №31(175). — 09 – 15.08.2001 г.
8. Еремеев П. В ночь гибели ЛК «Новороссийск» в Черном море была обнаружена подводная лодка с мертвым экипажем. Скорее всего, диверсанты погибли, попав на минное поле. — «Факты». — №7. — 05.1999 г.
9. Бар-Бирюков О. Версия — диверсия. — «Московский комсомолец в Нанкине». — 2 – 9.11.2005 г.
10. Муру Н. Линкор «Новороссийск», уроки трагедии. — «Морской сборник».
11. Пиоро Г. Накрытые перевернувшимся кораблем, обреченные на медленную смерть в образовавшихся воздушных мешках моряки, взывая о помощи, отчаянно стучали по металлу. — «Факты». — 29.10.2005 г.
12. Костриченко В. ЛК «Новороссийск» взорвали, чтобы захватить Босфор и Дарданеллы. — «Факты». — 24.07.1999 г.
13. Черкашин Н. Реквием по линкору. — «Смена». — №23. — 1988 г.
14. Хлопенко Б. Эхо взрыва. — «Кораблестроитель». — №7 – 9, 13. — 1991 г.
15. Документы комитета экипажа ЛК «Новороссийск», полученные от О. В. Матусевич.
16. Дмитриев В. и др. Подводные «москиты». — ВИ. — МОСССР. — Москва, 1969 г.

СТАРОСТЬ — РАДОСТЬ?

Если вкус забыл вина и водки,
Поработав, ходишь чуть живой,
В голосе твоём брюзжання нотки...
Ты, мой друг, уже немолодой!

Если ты огарок, а не свечка,
Пить лекарства и кефир привык,
Хочется пойти и полежать на печке,
Ты обыкновеннейший старик!

Если едешь к морю или в горы,
Запиваешь мясо ты вином сухим,
А о сексе не пустые разговоры...
Оставайся вечно молодым!

Э.А.

ШЕСТОЙ ПУНКТ — НЕ ШЕСТОЙ ВОПРОС

На «С-343» старпомовскую тяжелую службу который год «тянул» капитан 3-го ранга Вейнберг Г.Н. Его попытки уйти на командирские классы заканчивались отговоркой: «Такая ко-ро-ва нужна самому». А был он неплохим старпомом. Усвоив, что Вейнбергу с его фамилией пробиться в командиры будет трудновато, а годы подпирают, он решил взять фамилию матери. Вейнберг в одночасье стал Симбирцевым. Среди офицеров сей факт удивления не вызывал, но однажды позабавил.

Как обычно, в одну из суббот офицерский состав бригады собрался в кают-компании плавбазы для заслушивания очередной порции приказов, шифровок и другой полезной и не-полезной информации. Традиционно этот экскурс в прошлое и будущее ведет комбриг капитан 1-го ранга Невولين Г.Л. Офицеры лодок, стараясь на всякий случай не попасть на глаза начальству, изображают на лицах крайнюю степень заинтересованности происходящим, ведь за ними в четыре глаза наблюдают начштаба и зам. по политчасти. Вдруг они вспомнят числящиеся за ними грешки.

В кают-компании тишина, лишь комбриг из-за трибуны, как поп с амвона, бубнит о пожарах, посадках на мель, пьяных драках служилых и прочих сопутствующих службе делах.

Вдруг отворяется дверь и как черт из табакерки появляется старпом «С-343».

— Товарищ комбриг, разрешите?

Комбриг, оторвавшись от очередного штабного опуса, недо-уменно смотрит на старпома. Ведь по традиции еще с парусно-го флота на общее сборище офицеров в кают-компании может опоздать командир и то не более, чем на пять минут. По меняющемуся выражению лица Неволина видно, что он готовит очередной перл, на которые он был большой мастак:

— Вейнберг, закройте дверь с той стороны! Симбирцев, оставайтесь здесь!

Кают-компания взрывается смехом. Нет, комбриг никогда не оценивал дела офицеров по фамилиям. Его уважали в бригаде, хотя Неволинские разносы часто отличались оригинальностью и проводились всенародно и с большой высоты — крыши плавказармы ПКЗ-82, где строился на подъем военно-морского флага штаб 25-ой бригады.

— Евдокименко! Почему у тебя опять поручни не надраены, трапы в кружки не свернуты?

Комбриг имел в виду, что пятиметровые концы — канаты лодочной сходни у того не были свернуты по спирали в кружок и не уложены аккуратненько сбоку сходни.

Шестой пункт пресловутой анкеты порой вносил свои поправки в процесс службы офицеров с вполне благополучной «наследственностью». В крупных соединениях это было наиболее заметно. 37-я дивизия подводных лодок была серьезным соединением Балтийского флота. В нее входили три бригады — две боевых и одна консервации. В разное время под «крылом» комдива находилось 50 — 55 подводных лодок разных проектов, в основном, проекта 613 и его модификаций. Естественно, при таком большом количестве кораблей флагманским инженер-механикам приходилось туговато. Случалось так, что при отработке задач «Курса боевой подготовки...» и их приемке штабами флагмехам приходилось пересаживаться с лодки на лодку даже в море. Да и несение боевой службы лодками не обходилось без штабников, особенно помфлагмехов (ПФ-5).

В дивизии при таком количестве кораблей только в штабах и на подводных лодках было до 120 инженер-механиков. Еще пара десятков набиралась на обеспечивающих кораблях и бербазе. Флагмех дивизии, «обросший ракушками» подводник, никак не мог получить по давно истекшим срокам звание капитана 1 ранга. Громадное хозяйство, подходившее по срокам службы и техническому состоянию к своему порогу, часто подводило. Что-то ломалось, горело, заливалось водой. Поэтому неоднократно написанные комдивом реляции на присвоение

ему очередного воинского звания возвращались в часть с разных этапов следования к Главкому ВМФ. Но все же выстраданное и законно положенное в конце концов нашло своего героя. В начале 1967 года — года 50-летия Октябрьской революции Виктор Петрович Панин получил звание капитана 1 ранга. А вскоре разверзлись хляби начальственных, и в дивизию пришла разнарядка на награды к Юбилею. 14 орденов было обещано служилым разных специальностей. Один орден, весьма чтимый военными, был выделен на электромеханическую часть дивизии. Флагмех, он же зам. командира дивизии по ЭМЧ, определил, что обмыть орден будет удобнее, если его получит его ПФ-5. Ведь шестой вопрос еще никто не отменял, а ПФ-5 на боевой службе, вернется, а тут сюрприз. Не получилось. Вернувшегося с моря меха поздравил комдив, а на второй день он же сообщил, что еще на этапе подготовки «раздачи слонов» ПФ-5 был вычеркнут из списков политуправлением флота. Там не стали разбираться в ветвях генеалогического древа меха, а на всякий случай причислили его к 6-му пункту по своему разумению.

Так 6-ой пункт сорвал у мехов дивизии 6-ой вопрос, а деятельность электромеханической службы дивизии поставил под сомнение. В политуправлении флота орден нашел более достойного морехода.

В.М.

ВОКРУГ ШИЛА

Высокое начальство флота, озабоченное массовым нарушением офицерским и мичманским составом требований действовавшего на Северном флоте сухого закона, понимало, что приличные корабельные люди для снятия постоянного стресса потребляют внутрь неприличное пойло – «шило», то бишь этиловый спирт, предназначенный для технического обслуживания оружия, техники, водолазных и медицинских нужд.

Несмотря на строгие приказы начальства наладить, ужесточить учет этого продукта, тоненькие ручейки утекали в бутылки жаждущих и страждущих. В те времена большим дефицитом были пробки, поэтому бутылку затыкали жгутом из газеты, который, пропитавшись содержимым бутылки, становился сизым, а часть типографской краски уходила в шило. Но не это беспокоило руководителей тыла флота, а цена шила. Оказалось, что гидролизный спирт, возгоняемый из какой-то технической бяки, был гораздо дешевле, чем этиловый, созданный на основе пшеницы.

Подсчитав выгоду от замены «шила на мыло», издали приказ об изменениях в таблице снабжения кораблей, но тут взбунтовались медики и водолазы. С медиками шутить не стали, а водолазная служба, основываясь на заключении тех же медиков, потребовала оставить им этил, так как в «Правилах водолазной службы» четко указан ГОСТ продукта, который должен идти на промывку водолазного и спасательного снаряжения подводников. Постонав, тыловики оставили им этил.

Вскоре на флот для техники потек гидролизный спирт. С некоторой задержкой и опаской, ведь все знали о коварности метилового спирта, в первую очередь лишившего потребителя зрения, флотские стали приспособлять гидролиз для желудочных потребностей. На кораблях долгие годы ходил анекдот,

как несколько молодых офицеров с эсминца в Североморске под Новый год, зная о свойствах метилового спирта и не зная еще о возможностях гидролизного, решили все же рискнуть. Умная голова предложила в качестве «грибного человека» использовать корабельного пса. Как они влили в животину это пойло, неизвестно, но Бобик под надзором около получаса весело вилял хвостом. Посчитав, что эксперимент дал хороший результат, молодежь «дернула» по маленькой и рванула в ДОФ. Вернувшись на корабль, они у дежурного по кораблю, естественно, поинтересовались, как вернулся из увольнения их личный состав. Дежурный сообщил, что с любимым л/с все в норме, но вот Бобик сдох, завтра будем хоронить. Увидев на мусорной барже тело Бобика, лейтенантский корпус помчался в госпиталь, благо он был рядом. Промывали и сверху, и снизу, а вскоре, оклемавшись, они пришли на корабль, где их встретил комплект верхней вахты: вахтенный у трапа и Бобик, весело вилявший хвостом. Все закончилось втыком с больших высот, так как медики о факте «отравления» сообщили по инстанции.

В более отдаленном от штаба флота подводничком гарнизоне контакт с гидролизом выглядел несколько иначе. Молодежь в свободное от службы время, из-за отсутствия в гарнизоне ДОФа, кино и иных культурно-развлекательных мест, коротала время по каютам, так как между сопками выла пурга. Кто-то гонял нарды, а в одной из лейтенантских кают плавбазы расписывали пулюку. Естественно, возник вопрос — не принять ли нам по единой, тем более, что у хозяина каюты в тайной значке хранилась месячная норма спирта боевой части. На канистрочке была наклеена устрашающая надпись «Гидролизный спирт». Черепа с костями не было. Обнюхав по очереди горловину, лизнув с ладони желанное питье, народ решил, что нужно обождать и проанализировать действие малой дозы гидролиза на любимое тело. Минут через десять все решили рискнуть. Вскоре гранчаки с последним словом химической промышленности пошли по кругу, не прерывая игру. Через пару десятков минут молодой штурманец, недавно сменившийся с дежурства

по казарме, уснул, сидя за столом. «Состоялые жеребцы» тут же отреагировали. Закрыли броняшку иллюминатора, вырубили свет, ткнули штурмана в бок и хором заорали: «Васька, ходи!» Проснувшись в полной темноте, выпивоха через пару мгновений заорал: «Мужики, я ослеп!» и стал метаться по каюте. Насладившись розыгрышем, лейтенанты врубили свет. Штурман больше никогда не брал в рот самую малую толику любого спирта, а позже вообще перестал пить. Со временем он стал единственным флагманским штурманом дивизии, а возможно, и на флоте, отрицавшим питье.

Но не всегда шило служило во вред здоровью. Редко, но бывали случаи использования его как целительного средства от болезни, весьма распространенного в мужицкой среде и, как не прискорбно, среди прекрасного пола. За систематическое попадание на глаза начальству в непотребном состоянии механик лодки был низвергнут с сидухи — таблетки центрального поста родной субмарины и посажен в кресло командира БЧ-5 в посту энергетики и живучести плавбазы подводных лодок. Это перемещение окончательно приблизило его к свите Бахуса. Какими-то каналами он узнавал, кто из мехов подводных лодок получал спирт, и, выбрав момент, приходил к владельцу горячительного с гранчаком голубого цвета со свастикой на доньшке стакана — последствием войны. Причем стакан он прятал в левом рукаве шинели, так как честь старшим по воинскому званию нужно было отдавать, а любая задержка начальством была чревата обнаружением его перегара. Бывшие сослуживцы по прочному корпусу, уставшие от воспитательных уговоров, решили клин вышибать клином. Два каютных графина были ими наполнены до некоторой ватерлинии спиртом, но на одном была наклеена бирка с надписью «Вода», а на другом — «зашифрованная» надпись « C_2H_5OH ». Под каким-то благовидным предлогом меха, находившегося в состоянии «на вчерашних дрожжах», пригласили в каюту. Он, обнаружив графин с «зашифровкой», жадно глотал слюну и сверлил глазами ёмкость. Обсудив ритуал приближавшегося юбилея минера, друзья покинули каюту на пару минут. С выпивхой остался

его бывший командир группы. Так, на всякий случай. Страждущий, улучив момент, когда его бывший подчиненный подошел к умывальнику, быстро налил из «зашифрованного» графина полстакана, разбавил его «водой» из второго графина и принял на грудь. От выпитого почти полного стакана спирта у меха перехватило дыхание, из глаз потекли слёзы, и он припал к графину с «водой». Группен, оторвав поглотителя шила от графина, стучал по его спине, мех мелкими глотками втягивал в себя воздух, а лицо постепенно приобретало цвета зреющего баклажана. Положение спасли сослуживцы — они, предвидя ситуацию, сунули ему в руки большую кружку с настоящей водой. С большим трудом отдышавшись, мех уснул сном младенца. Проспавшись, он рассказал, что ему приснился какой-то ужасный сон, сильно испугавший его. И бедняга завязал.

Не ясно, что вернуло его в трезвую жизнь — то ли шило, то ли сон.

В.М.

КУВАЛДА

Кто такие «шаманы», флотским людям объяснять не надо, а для не флотских поясню — шифровальщики. Заведование, если можно так назвать, интеллигентное, но очень ответственное. Моряки, которые связаны с железом, воздухом и водой, реактором и турбиной, не зная их специфики работы, много баек посочиняли про этих, столь необходимых специалистов во всяком военном деле, не только флотском. Завидуют им по двум или трём причинам: в заведовании находится один небольшой сейф-ящик; второе — небольшой объект приборки, только командирская каюта; и главное — он несёт «односменку», всегда на вахте один и спит, когда возможно. Но это только видимая часть жизни «шамана» для непосвящённых. На самом деле должность весьма трудная.

Есть одна проблема в их деле, которую не могут решить до сих пор. На вид самая простая — уничтожение шифромашин и бланков так, чтобы и кусочка не осталось. Если Вы имеете достойную идею — смело выходите с нею в Академию наук, и патент Вам обеспечен...

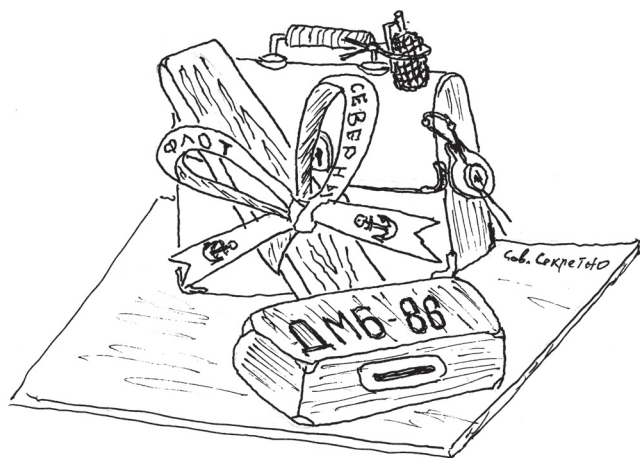
В наше время основным ликвидатором спецсекретов была, да и сейчас остаётся, кувалда, по-флотски этот «прибор» именовался «кувалдометр», в этом убедился сам Президент. Инструмент незаменимый, как и лом, во всех делах и отношениях. Он всегда находился при хозяине сейфа. Сила есть — ума не надо!

Эти кувалды были своего рода сувенирами для отслуживших свой срок службы «шаманов». За 3–4 года службы такая кувалда отполировывалась до зеркального блеска и содержала столько надписей служебно-специального эпоса, что была памятью моряку на всю оставшуюся жизнь. Новый, принимающий дела «шаман» с завистью мог только посмотреть на

этот «прибор», вздохнуть и искать новый, чтобы к концу своей службы сделать подобный или даже лучший шедевр.

Такой предмет мог бы украсить любой флотский музей, но, к сожалению, во-первых — сегодня не модно музейное дело, а во-вторых — такие экспонаты становятся семейными реликвиями.

В.К.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗODOB ИЗ ЖИЗНИ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «С-349» 25 БПЛ СФ

**(Воспоминания однокашника,
друга с почти 60-летним стажем)**

КУПАНИЕ ЯКОРЬ-ЦЕПИ

Лодке предстояла очередная периодическая оценка одной из важнейших характеристик — уровня шумности. Это «своеобразное УЗИ» для корабля проводилось на специально оборудованном стенде полигона, располагавшемся в дальней точке Мотовского залива Баренцева моря, что позволяло исключить неожиданное появление вблизи стенда посторонних кораблей, судов вездесущих рыбарей, которые могли помешать замерам или исказить показатели уровня шумности лодки в целом и отдельных её механизмов на различных режимах работы.

Часто у входа в Мотовской залив возникала небольшая очередь из лодок, ждущих освобождения полигона. Став на якорь, они басовито «стучали» дизелями, заканчивая зарядку аккумуляторной батареи, напоминая при этом нетерпеливого выпивоху, сучившего ногами у пивного ларька рано утром в понедельник.

Вот и «С-349» летним полярным вечером, войдя в губу Эйна — точку отстоя, получила сигнал «Ждать». По отсекам лодки прозвучала команда — «По местам стоять на якорь становиться», тут же на носовую надстройку к шпилью выскочил боцман Прохоров с ключом управления контроллером шпиля. Сняв стопор с якорь-цепи, доложил на мостик. Пока все идет штатно.

Мостик с помощью эхолота искал место, пригодное для рыбалки, ведь консервы, сухари и прочие «невкусности» за долгое время сбор-похода порядочно надоели. Молодые орга-

низмы пятидесяти с лишним подводников требовали отведать парено-жареной гидрокурицы — свежей трески.

Команда с мостика задерживалась. Боцман, у которого еще не была готова блесна, беспокойно метался у шпигля. Что он делал на своем боевом посту, неведомо, скорее всего, хотел шпиглем несколько потравить якорь-цепь, но неожиданно случилось непредвиденное. Раздался сильный грохот, на мостике учуяли запах ржавчины, а через мгновения наступила тишина, только легкая волна стучала в пустые балластные цистерны. Наконец от шпигля последовал доклад: «Якорь с якорной цепью ушли на грунт». Оказалось, якорь-цепь, освобожденная непроизвольно боцманом, вильнув ржавой концевой смычкой, вместе с вырванным жвако-галсом булькнула в воду. Вся — все 125 метров. Позже никто не мог вспомнить, какие перлы ненормативной словесности виртуозно изрыгал старпом А. Паришкура с мостика. Ведь в одно мгновение боевой корабль по статуту был низведен до положения фелюги, хотя и та имеет якорь.

Штурман Я. Лисичкин (это в его заведовании находится якорное устройство), как Шура Балаганов, подумав: «Будут бить», не мешкая, взял пеленги на береговые ориентиры, фиксируя местоположение утопленницы на грунте. Лодка стопорит ход, гасит инерцию. Виновник «торжества» привязывает к бросательному концу какую-то железяку и аварийную доску, обозначает место. Штурманский электрик сообщает: «Глубина под килем 50 метров».

На мостик вызывается весь «совет старейшин». Первым заслушивают безрадостный доклад меха. Глубина запредельная для корабельных легких водолазов — они отработаны до глубины 30 метров, вода +4°С. Необходимо вентилируемое водолазное снаряжение, в народе — трехболтовка, а это значит, нужен водолазный бот. Лепет штурмана в расчет принят не был, командир чешет ушанку — ему нужно дать радио в штаб флота, что он стал на якорь. А где его взять? Как позже скажет мех: «Дуракам везет, а нам и вовсе» — из-за мыса показалось судно. Это было спасательное судно. Семафором спасатель просит подойти к борту. «Обнюхавшись», выяснили, что спасатели

должны идти в этот же полигон, время позволяет оказать помощь растеряхам.

Через полчаса водолаз был на грунте, а еще минут через двадцать он находит цепь, лежащую горкой на своем якорю. Со спасателя водолазу подают трос с такелажной скобой, краем коренной конец цепи поднимают наверх, он заводится в клюз и барабаном шпиля цепь выбирается в цепной ящик. Вся операция заняла не более часа-полтора.

Смахнув слезы умиления, довольные подводники нагрузили спасателям мешок продуктов, вложили еще несколько бутылок вина, ведь спирт у водолазов есть свой.

Отдышавшись, дав радио о постановке на спасенный якорь, командир капитан 3-го ранга Н. Волгин стал разбираться, почему якорь-цепь ушла в самоволку и «отлил каждой сестре по серьге».

ГЛАЗ

В апреле 1962 на Кубе в заливе Свиной высадилась группа контрреволюционеров, лелеявших мечту свергнуть режим Фиделя Кастро. Руководство страны Советов, чтобы удержать США от вмешательства в конфликт, решило поддержать Кубу всей мощностью своих вооруженных сил. На флотах была объявлена боевая тревога, и лодки 8-ой дивизии, как потревоженные птицы, в считанные часы «выпорхнули» из своих мест базирования в Ягельном и Оленьей. Кто ушел на заданные позиции в морях и океанах, кто в точки рассредоточения в ближайших губах Кольского полуострова. Всегда наполненная гулом работающих дизелей подводных лодок, грохотом ремонтных работ, звуками, «изрыгаемыми» из динамиков трансляции, бухта Ягельная опустела и затихла.

Даже детские голоса в поселке, расположенном рядом на сопке, звучали как-то приглушенно. Видимо, детям передалось тревожное предвоенное настроение родителей.

У опустевших плавпирсов остались сиротливо стоять две лодки 613 проекта, в принципе готовых к выходу в море, но на о-

дной не было меха, а на «С-349» не было командира. Ему крупно повезло, он в начале лета уже был в отпуске. Комбриг капитан 1 ранга Г. Неволин довольно быстро решил эту шараду. Мех «С-349» он перебросил к «осиротевшему» без меха командиру другой лодки. Осчастливленный назначением мех, прибыв на лодку, обнаружил, что у него нет штатного командира моторной группы. Вместо него в наличии выпускник военно-морской кафедры Мурманского мореходного училища, проходящий на лодке трехмесячную переподготовку. Более близкое знакомстве показало, что инженер-лейтенант подготовлен неплохо и желает далее служить на лодках. При приготовлении лодки к бою, походу и погружению был выявлен ряд неисправностей, но принцип «Надо, Федя!» выгнал лодку в море.

Стали на якорь в Ура-губе, в то время подводниками еще не освоенной. В перископ в глубине губы виднелись строения на берегу, суда рыбколхоза и похоже, что стоит плавмастерская. Вокруг отвесные скалы. Так как на переходе сильно потек сальник насоса ВЦН-90У охлаждения двигателя, а в ЗИПе нужной втулки сальника не оказалось, мех стал уговаривать командира подойти к борту плавмастерской и попытаться изготовить втулку. Командир, повязанный приказом находится в точке, предложение отверг. Но выручил стажер. Он предложил отправить его на проходящем мимо сейнере к рыбакам, вооружив его бутылкой спирта и банкой тарани. Там явно будут выпускники мореходки, они и решат проблему втулки. Мех, скрипя суставами (ведь в поселке можно отовариться в магазинчике), поддержал идею, и мореход убыл, гремя авоськой с банкой тарани.

Перед ужином к борту лодки подвалили «Стеньки Разина челны» с группой молодых людей, правда, без княжны, но в сильном подпитии. На баке стоял большой ящик свежей рыбы. Выгрузив подводника и ящик рыбы, «челны» убыли на путину. Втулка из нержавеющей стали через пару часов была установлена на насос, и лодка обрела нужную «подвижность».

За ужином облаканный мореход рассказал о своем хождении в глубину бухты. Главный инженер плавмастерской тут

же согласился помочь подводникам, а бутылка шила и тарань ускорили процесс токарных работ. Друзья и руководители ушли дегустировать подношение. Чуть позже оказалось, что выпивки мало, и они всей группой пошли в поселковый магазин взять на «посошок». Здесь глаза морехода лукаво блеснули, и он полез во внутренний карман кителя, достал сложенный листок бумаги и, чтобы все лучше видели, разгладил его на обеденном столе. Печатными крупными буквами там было написано «Объявление», а ниже — «Вчера здесь был найден человеческий глаз. Потерявшего ждут по адресу: Флотская, д. 3, кв. 1». Объявление он снял с двери магазина. Кают-компанийский хохот был слышен в кормовых отсеках. Ну а через пару дней лодку вернули в базу. В заливе Свиней стало все спокойно. Видимо, глаз к магазину прилетел из этого залива.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ФЕЛЬДШЕРА

В 58–59 годах на подводных лодках шла замена начальников медицинской службы. Строился океанский флот, поэтому служивших на кораблях фельдшеров стали заменять выпускниками военно-медицинской академии, ведь в дальних походах всякое могло случиться. Этот процесс затянулся, так как данных специалистов академия выпускала маловато.

Вот и на «С-349» место лекаря было вакантно, а после смены командира лодка зачастила в море, сдавая заново задачи курса боевой подготовки. Каждый раз на лодку подсаживали какого-нибудь не занятого морем то врача, то фельдшера.

Подошло время сдавать задачу №2. К лодке на последние несколько выходов был приписан фельдшер старший лейтенант Богун, он и обеспечивал сдачу лодкой задачи по медицинской части. Парень веселый, контактный. Обжившись в экипаже, он любил перед приемом пищи пропустить 100 грамм, правда, из своих запасов. Ритуал приема горячительного был отработан им до мелочей. В кают-компании он заранее извлекал из обеденного (он же операционный) стола узаконенную емкость с медицинским спиртом, отливал, разбавлял из гра-

фина водой (ведь вода подавалась на магистраль по команде, а команда могла быть поданной не вовремя) и выносил стакан к умывальнику — рядом за буфетом. Стакан дожидался «хозяйина» в гнезде над умывальником. Услышав сигнал «Бачковая тревога», он заходил за буфет, принимал на грудь и вместе с офицерами, свободными от вахты, подходил к столу. Но в очередной раз при сдаче задачи случился «прокол». Фельдшер завершил подготовительный этап и, предвидя наступление нирваны, поднялся на мостик. На его беду, отдохнувший после вахты заместитель командира бригады капитан 1 ранга Андышев решил почистить зубы и умыться. Обнаружив отсутствие воды в кране и полный стакан перед носом, капраз быстро разобрался в ситуации. Не подав вида, он ускоренно закончил туалет и убыл к столу.

Лекарь, глотая слюну, прибыл к умывальнику. Его разочарованию не было предела — в стакане вода, заветная фляга в накрытом к обеду столе, а за столом начальство. Фельдшер прижал к буфету вестового, выясняя, куда делось содержимое стакана. Косясь на капраза, тот не выдал военную тайну. Андышев, закончив обед, ушел на мостик сменить командира. И только тогда Богун узнал правду.

Долго он стремился не попасть на глаза замкомбригу.

ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ

После окончания очередного выстраданного текущего ремонта «С-349» в родной базе отрабатывала организацию службы при стоянке лодки в базе. Официально это называлась задачей №1. Помимо того, что в лодке все было вычищено, надраено, покрашено и вылизано, личный состав до автоматизма отрабатывал первичные мероприятия по борьбе за живучесть. Книжка «Боевой номер» матросами и старшинами могла исполняться соло, как интернационал, без сопровождения оркестра и даже в отсутствии старпома. Мех не спал ночами, заполняя формуляры механизмов, эксплуатационные журналы и прочую документацию. Умыкнув у жены красный лак для ногтей, нанес

риски на все приборы. Похоже, устранено все, к чему могут придраться офицеры штаба бригады. И вот на завтра запланирована сдача задачи №1, поэтому старпом пригласил меха еще раз напоследок осмотреть лодку. Первые четыре отсека сияли и радовали глаз. Тяжелый дизельный отсек был не хуже. Но вот там в корме по правому борту старпом, сдвинув в сторону матерчатую ширмочку подводного галюна, пришел в ужас. Отсутствовала крышка в комплекте с «сидушкой» унитаза. Ее не было со времен ремонта. Даже поиск этого изделия в магазинах Мурманска успеха не принес. А уж в мини-магазине поселка Ягельное его с миноискателем было не найти.

Укоризненный взгляд старпома заставил меха найти гениальное решение, ведь из-за этой детали «кабинета задумчивости» лодка не сдаст задачу. План добычи крышки был разработан мехом до мельчайших подробностей, подобран инструмент.

Ранним утром, когда еще все спали, мех, покинув теплый бок любимой молодой жены, отвинтил крепеж крышки, завернул её в тряпку и почти по-пластунски направился на выход. Но Лариса всегда на чеку, она, проснувшись, стала задавать лишние вопросы. Пришлось молча дать деру.

Удивлению остальных жильцов коммунальной квартиры не было предела, когда они обнаружили пропажу крышки во время утреннего моциона. Может, смысл кто-то её?

Задачу №1 лодка сдала с первого захода. Самое обидное, что за ширму никто из штабников не заглянул, вдруг там кого-то застанешь в непотребном виде.

А крышку пришлось вернуть на место — на коммунальный унитаз.

В.М.

Кизим Виталий Иванович — капитан 1-го ранга, выпускник 1-го набора «Голландии», командир БЧ-5 ПЛ «С-349» и АПЛ «К-69», зам. командира 3-ей дивизии атомных подводных лодок по ЭМЧ (Западная Лица), основатель ассоциации ветеранов-подводников им. Героя Советского Союза Фисановича (г. Харьков), автор книги «Срочное погружение».

ПО ЧУТЬ-ЧУТЬ

Вахтенный на аккумуляторной батарее сообщил меху, несущему вахту в центральном посту подводной лодки «С-345», что его вызывает в командирскую каюту зам. командира бригады капитан 1-го ранга Андышев. Время к обеду, на лодке все спокойно. Мех стал кумекать, за что ему вставит перо в хвост столь высокий начальник, ведь хвалить молодого меха пока еще не за что.

Прибыл, доложил. Улыбаясь на все оставшиеся зубы, зам комбрига берет с полочки графин и два гранчака, наливает по чуть-чуть и предлагает выпить это «чуть-чуть». Мех, не особенно приученный к зеленому змию, полагая, что в стакане менделеевская смесь, а не чистое шило, принял на грудь содержимое стакана. Брызги из глаз меха оросили китель капраза. Улыбаясь, замкомбрига сказал меху, что вот так он мучается каждый раз перед обедом и ужином, так как из крана питьевой воды и шипения воздуха не дождешься.

Отдышавшись, мех заявил, что проблема исправима и он откорректирует время снятия давления с магистрали, приняв за точку отсчета не определенное графиком время перекрытия, а момент ухода начальства на мостик или в кают-компанию.

В.М.

БАЧОК КАШИ

На кораблях старой постройки проектом не предусматривалась столовая личного состава, она впервые появилась на больших противолодочных кораблях проекта 61 в начале 60-х годов. А до этого на парусном и паровом флотах матросики принимали пищу в кубриках на переносных столах или прямо на коленях. Команда разбивалась на своеобразные артели — бачки по-флотски. Бачковали, то есть получали пищу, на камбузе, разливали её и мыли посуду по очереди. Очередника называли бачковым.

Когда позволяла обстановка и погода, командиры разрешали принимать пищу на верхней палубе. Одному из бачков первой курсантской роты «Голландии» во время практики на крейсере «Красный Крым» было отведено место для приема пищи на баке.

Вкусив флотского борща и вкуснейшей селедки (бочка с ней стояла у камбуза — бери сколько хошь), наша артель готовилась заглотить какую-то кашу, сдобренную соусом с мясом. Задержка случилась из-за того, что возник спор между Толей Смирновым и бачковым Генрихом Зайцевым. Возможно, не поделили мозговую косточку. Закончился спор диалогом: «Надену — не наденешь». Генрих — сын какого-то партийного босса — не терпел возражений, поэтому, держа в руках бачок с горячей кашей, он чувствовал свое превосходство. Толя — севастопольский пацан, чувствуя за собой авторитет города-героя, настаивал на своем — «не наденешь».

Надо сказать, что крейсер в это время был на ходу. На мостике помимо штатной ходовой вахты и начальства находились руководители практик разных училищ. Весь наш бачок был виден им, как на ладони. Когда «диалог» достиг своего апогея, бачок с кашей оказался надет на голову курсанта. Каша потек-

ла под брезентовую робу, на голое тело Смирнухи. Его голову, слава морскому богу, защищал фланелевый берет.

Мостик целым стадом глаз обалдело смотрел на бедолагу с «каскай» на голове и в камуфляже из каши. Курсанты бачка инстинктивно врассыпную «брызнули» кто куда. «Отфильтрованному» позже Генриху, несмотря на заслуги его бати, пришлось драить палубу полубака и мыть здоровенный корабельный галюн. Но теплые дружеские отношения между этими курсантами остались до конца училища.

Когда мы уже на шестом курсе защитили дипломы и ждали приказа о выпуске из училища, их диалог неожиданно продолжился. Всегда загруженные, а теперь мающиеся от безделья, они затеяли спор — выбросит ли Заяц или не выбросит матрас Смирнова с третьего этажа за его ненужность. Спор шел на компот до конца училища. Все же выбросил. Потом пошел подбирать.

Спор — топить или не топить лодку приятеля — так и не состоялся.

В.М.

КОМАНДИР КУРСАНТСКОЙ РОТЫ

Глубокой ночью с 28 на 29 января 1954 года по училищу «Голландия» прозвучал сигнал тревоги. Училище было поднято в ружье. С полной выкладкой, получив «винторезы» Мосина 1891/30 годов (палаша не получали), мы построились на плацу и поротно перешли к причалу училища, где нас ждала, урча дизелями, большая десантная баржа. Она нас доставила в Южную бухту в район холодильника. После выгрузки начался двадцатипятикилометровый марш-бросок вокруг Севастопольской бухты. Ускоренный марш временами прерывался командой «бегом марш» и крайне редко — короткими привалами. Чтобы курсантам походная жизнь раем не казалась и ещё не все курсанты наступали рабочими башмаками на свои языки от усталости, раздавалась команда «Запевай», и роты, стараясь переорать друг друга (по-другому это пение не назовешь), «исполняли» песни нормативной (строевые) и ненормативной лексики — курсантский фольклор. Самыми тяжелыми отрезками марш-броска были километры после команды «Газы». Через почти мгновенно запотевавшие стекла масок противогазов не было видно ни шиша, поэтому строй нарушался и напоминал стадо испуганных бегущих бизонов. Строевой старшина Гриша Полусмяк пытался выявить «умельцев», которые, стремясь облегчить свои страдания, отвинчивали в сумке противогаза шланг от коробки, но их выдавали просветленные стекла масок. Расправа была короткой, на ходу — внеочередной наряд на работу. Впереди маячила уборка гальяна, картошка и прочие неудобства.

Где-то в районе Микензовых гор, когда до родного кубрика оставались считанные километры, командир роты остановил роту, перестроил её в строй фронта и дал команду: «Старшина 2-ой статьи Мацкевич, выйти из строя». Семьдесят пять про-

тивогазных рож, похожих на морды доисторических чудовищ или химер, повернулись к озабоченному вниманием командира роты курсанту. Тот из последних сил вышел из строя, как на эшафот, ожидая разноса. Но тут ротный произнес «пламенную речь». Оказалось, в отличие от меня он помнил, что сегодня день моего двадцатилетия. Отметив отдельные успехи в учебе и службе, ротный командир великодушно разрешил имениннику оставшийся отрезок пути пройти без противогаса.

Нашего Александра Матвеевича, в отличие от других командиров рот, мы единодушно уважали. К нам он пришел перед вторым курсом, когда рота вернулась с корабельной практики. Началась она незабываемым переходом из Севастополя в Одессу на трехмачтовом барке «Дунай», а затем два летних месяца мы осваивали моряцкое искусство на гвардейском крейсере «Красный Крым», носившем в прошлом имена «Светлана», «Профинтерн», заложенном еще в 1911 году и достроенном в 1928. Более двух тысяч миль прошли мы на нем по Черному морю, практически обогнув по периметру этот Понт Эвксинтский. Участвовали в учебной стрельбе главным калибром по останкам корпуса броненосца «Чесма», заложенного еще в 1883 году и посаженного на отмель Тендровской косы в качестве мишени, когда тот был выведен из состава флота. На крейсере мы освоили по несколько специальностей БЧ-5, с упоением драили деревянную палубу, спали, как на парусных кораблях, в подвесных койках с пробковыми матрасами. Единственный раз в жизни почти всю ночь наблюдали феерическое свечение моря от горизонта до горизонта, сдали зачет по флажному семафору, ходили на веслах и под парусами на десятивесельном катере, изредка купались в открытом море.

Крейсерская организация службы всегда была образцом на флоте, поэтому эта единственная наша практика на крупном надводном корабле весьма пригодилась многим из нас в дальнейшей службе.

В конце сентября крейсер стал на бочки в Севастопольской бухте, наша практика закончилась. Когда рота, сойдя на берег, была построена на плацу перед училищем, начальник факультета

тета капитан 1-го ранга Родкевич представил нам нашего нового командира роты капитана 3-го ранга Грицаку Александра Матвеевича. Среднего роста, статный, прошедший войну офицер в безукоризненной форме с орденскими планками на кителе (его мы сразу назвали «полупередничек» за короткий покрой) обошел строй, молча осмотрел каждого, вышел в центр строя и дал команду: «Рота, слушай мою команду!». Он как-то сразу стал нашим «батей» — строгим, справедливым и внимательным. Уважал в курсанте личность. Мог наказать курсанта за проступок перед строем, но чаще разбирался с ним наедине. Он даже перед строевым старшиной порой защищал курсанта. Его фраза «Лошадь о четырех подковах и та спотыкается, а курсант в двух «гавнодавах» и подавно».

Это он впервые подошел ко мне и сказал: «Влад, тебе надо побриться». И я впервые в жизни взял в руки бритву. Когда что-то не получалось, звучала фраза, присущая только ему — «ить паить так». Это было верхом его возмущения. Он вел нашу первую роту первого набора «Голландии» до конца шестого курса, до выпуска. У него было потом несколько рот, но нашу он считал родной — своим первенцем. На все юбилейные и не юбилейные встречи мы приглашали Александра Матвеевича, и он приходил, даже когда требовались костыли.

Уволившись в запас, капитан 1-го ранга А. М. Грицака, пока позволяло здоровье, продолжал готовить офицеров флота, работая учебным мастером на исследовательском реакторе «ИР-100» училища.

В.М.

Тяжесть лет мои сдавила плечи,
Лоб изрезан сеткою морщин,
Отгорели, отпылали свечи
И погас до времени камин.

Зимними мечтаю вечерами
В дальний путь отправиться пешком
В Севастополь, встретиться с друзьями,
Посетить училище — наш дом.

Спеть в строю про стройный тополь,
Что стоит под небом голубым,
Про любимый город Севастополь,
Ставший навсегда родным!

На Приморском постоять у моря
И послушать, как ворчит прибой...
Чем унять моё большое горе?
Не смогу увидеться с тобой!

Э.А.

Нас в Севастополь привели дороги,
Они в училище сошлись.
Как быстро годы пронеслись,
Пора, дружище, подвести итоги.

Учёба, спорт, тревоги и авралы —
В одном строю шагали с веком!
Нам Родина доверила штурвалы
Дизельных, реакторных отсеков!

И выходили в океаны,
И каждый раз — на новые глубины.
Свои менять не собирались планы,
Хоть появились первые седины!

За нас не вдруг решили командиры:
Каюты мы сменили на квартиры.
Твоя судьба — КБ, моя — завод,
Мы там достойно представляли флот.

В надводных кораблях, новейших ПЛА
Наш опыт, труд и вдохновенье...
Мы молодым без всякого сомненья,
Коль есть приказ, передадим дела.

Расстроен ты? Не стоит, друже,
Уходишь не в отставку, а в запас,
А это значит — в грозный час
Ты снова флоту будешь нужен.

Э.А.

В твореньях Венса сменился запах,
Не тот, что был при курсачах,
Но память наша на мягких лапах
По коридорам бродит при свечах.

Суровый быт и строгие порядки,
Весь день расписан час за часом.
Мы утро начинали с физзарядки,
А переходы строем полным классом.

Училища уж нет, но дух остался, —
В его выпускниках до сей поры живет.
На юбилей степенный люд собрался,
И каждый с юностью своей свиданья ждет!

Я думаю, что каждый что-то вспомнит
И улыбнется, и взгрустнёт...
Рассказ, что начат мной, дополнит,
По тропам памяти пройдет!

Взглянем в историю судьбы всех тех,
Кто здесь собрался...
И непременно помянем всех тех,
Кого уж с нами нет, кто с нами распрощался!

Э.А.

МОРДОТЫК*

Было это в далёкие годы моей лейтенантской юности. После выпуска из училища подводного плавания (в/ч 62651) большинству из нас выпала служба на Северном флоте. «Вот это флот!» — говорили тогда. И действительно, флот рос и мужал на глазах, его значение в обороне страны и во внешней политике государства тогда ни у кого не вызывало сомнений. Объявленная в 1946 году Союзу Западом «холодная война» приобретала зримые очертания в гонке вооружений. В то время подлодки «пекли, как пироги» — правда, они были дизель-электрические, но вполне соответствовали тому времени. Кадры подводников решали всё. Даже хрущёвское сокращение Вооружённых Сил не коснулось подводного флота, тем более, молодых лейтенантов. А ведь многие из нас хотели воспользоваться этим моментом, чтобы «слинять на гражданку».

Но фокус не удался, и поэтому надо было служить честно и добросовестно, а мы были воспитаны именно в таком духе. Долг превыше всего, но и материальное обеспечение не на последнем месте — подводники в этом отношении тогда не были обижены. Надо было учиться практической деятельности, и мы начали «грызть гранит» морской науки.

Одним из первых стремлений было стать полноценным членом экипажа подводной лодки, а это значило — сдать зачёты на управление своим подразделением и получить допуск к самостоятельному несению ходовой вахты вахтенным офицером.

Два зачёта из всех были равносильны студенческому «сопромату», который сдавши — студент мог жениться, а лейтенант, «столкнувший» зачёты по устройству подводной лодки

* Народное название господствующего ветра на море (морской лексикон).

и знанию морского театра и всех навигационных премудростей, мог чувствовать себя подводником. На первый взгляд делать нечего: нарисовал карту по памяти, ответил на 5–6 вопросов, а на самом деле... Многие из нас, да почти все, сдавали эти зачёты не с первого захода. Это был фундамент на всю дальнейшую морскую службу, здесь выявлялся характер будущих покорителей морских глубин. Некоторые не выдерживали и уходили на береговую стезю, другие — настойчиво вгрызались в морскую глубь, познавая не только, как «эта железка плавает» и что в ней напихано внутри, но и как сохранить это «чудо техники» от всяких неприятностей морских стихий. Эти первые шаги на морской тропе были гораздо труднее даже последующих командирских зачётов. Там уже присутствовал практический опыт, а здесь было больше теоретических знаний.

С нас, офицеров торпедистов-минёров, флагманский штурман бригады, принимая зачёты по навигационным премудростям, спрашивал больше, чем с штурманцов. Отвечая на наше недовольство, говорил: «Что штурман? У него всегда перед глазами карта. А у тебя она где? Только в голове. Вот и подставляй её!»

Действительно, штурмана обычно мудрили в своих рубках. Они, в отличие от штурманов гражданского флота, редко несли ходовые вахты на подводных лодках. Они и шифровальщики, да ещё, пожалуй, радисты, числились в интеллигентах — бумажная работа, как у бухгалтеров, но в кораблевождении весьма важная. А что было спрашивать с нас, минёров, вечно измазанных АМСом (смазка для торпеды, покрывающая всю её тушу. Это сейчас они крашенные, а тогда АМСа не жалели). Надо признаться, что у нас было какое-то пренебрежение к штурманской науке ещё с училища — было у мамы три сына: двое умных, а третий штурман, — где было негласное соревнование между двумя факультетами и где каждый «кулик отстаивал своё болото». Но флагманский штурман 25 бригады подводных лодок 613 проекта Северного флота Толя Любичев так не думал.

Спокойный, полный для своих лет, дока своего дела, он был уважаемым специалистом не только в бригаде, но и на един-

ственной тогда дивизии подводных лодок, базировавшейся на Полярный. Он не делал различия между «группен-фюрерами» — командирами штурманских и торпедных групп.

Ходили мы к нему на зачёты по всем штурманским премудростям обычно по 3–4 человека, надеясь не на взаимовыручку, а больше на то, что Толе будет труднее «справиться» с нами всеми, чем с одним. Но у него была манера сосредотачиваться на одном и по его знаниям определять знания всех. Сидим мы, бывало, у него в каюте и рисуем карту всего северного театра со всеми бухтами-губами-заливами, маяками и даже неприметными, на первый взгляд, ориентирами. Он внимательно проверяет наши художества и ставит жирные минусы, приговаривая: «Сегодня ты, Капылов, нарисовал изумительно Терский берег, а вот Кольский залив не очень уважаешь. Для закрепления темы мы этот сеанс повторим в следующий раз! А сейчас, если готовы, перейдём к навигационным знакам и огням. Но чтобы не было пренебрежения к этой теме, расскажу Вам один трагический случай, происшедший в нашей бригаде незадолго до вашего прихода».

— Подводная лодка «С-342» (командир капитан 2 ранга Жабарин — опытный подводник) выходила из Екатерининской гавани, а в гавань входил танкер «Алазань». Результат — танкер ударил в корму лодки, в 6 и 7-м отсеках погибли люди. Я не берусь оценивать решение суда, признавшего виновным командира лодки, но есть одно «но»... Какой сигнал, а были сумерки, должен быть выставлен на посту СНИС? Об этом, кажется, и забыли в судебном разбирательстве....

— Если сумерки, — перебивает Толю Вовчик, — то наверняка должны были быть вывешены огни по вертикали «красный — белый — красный» или для лучшего запоминания «каться — брат — каться».

— Молодец, — говорит Толя, — но ты не уловил один момент в моём рассказе и «бежишь впереди паровоза». Да, были сумерки, добавлю — вечерние.

— Разрешите пофилософствовать мне, — говорит Витёк. — Возможно, на мачте висел дневной сигнал «шар — треугольник

вершиной вверх — шар», что означало «Воспрещение входа при нормальных обстоятельствах эксплуатации порта, когда на фарватер допускаются только суда, выходящие из порта». На «Алазани» не заметили этого сигнала, а вахтенный на посту проспал включение огней. И...

— Да, лейтенанты, в знаках и огнях на сегодня Вы разбираетесь лучше, чем в театре и ветрах, чувствую вашу ответственность. Приглашаю Вас посетить меня ещё раз на следующей неделе.

Через день был короткий выход в море. Опекая меня на мостике, командир капитан 2 ранга Сергеев Викторий Иванович, воевавший в войну с легендарным Луниным, спросил: «Минёр, когда ты закроешь штурманскую графу в зачётном листе?». Старшие офицеры на лодках в море обращаются к лейтенантам обычно «штурман» или «минёр», и не важно, что ты всего пока «группен-фюрер» — командир торпедной или штурманской группы. На лодках вообще нет чинодральства. Никто под козырёк не берёт. Никто не тянется и не «ест» начальство глазами, когда к нему обращаются старшие. Все заняты своим делом, и уважение достигается только знанием своего ремесла-профессии и умением прийти на помощь незаметно, без внешних эффектов.

Я стал ему объяснять, что мы рисуем флаг-штурму всякие розы ветров, а он всё недоволен. Подавай ему господствующий ветер и всё. А какой?

— Кулинченко, а какой сейчас ветер?

— Норд-вест, товарищ командир.

— Да нет, куда он дует лично в тебя?

— Больше в лицо.

— Так вот, это и есть самый господствующий ветер и на море, и в жизни — всегда в лицо. И придётся тебе, дорогой минёр, всю жизнь кричать против ветра, конечно, если ты хочешь остаться порядочным человеком в этой жизни. А древние поморы очень мудро называли этот ветер «мордотыком». Вот чего от вас добывается флагманский штурман, отличный специалист своего дела и знатный педагог. Молодчина!

В очередной заход к Толе, умудренные советами своих командиров, мы без особых помех сдали «розу ветров», а кроме того, получили удовольствие от рассказов штурмана. Наши наставники учили нас не только профессии, но и делились своим богатым жизненным опытом, без чего нет преемственности во флоте.

Сегодня, по прошествии полувека, с теплотой вспоминаешь братьев-курсантов и наших наставников. Да, курсанты тогда действительно были одной семьёй, особенно пацаны одного выпуска. Мы все четыре с половиной года вместе ели, спали в одном кубрике, ходили на лыжах и дрались на рингах, учились, любили девчонок, ходили на танцы. Тогда мы не знали своего истинного предназначения — мы готовились защищать свою Родину от врагов и действительно были большой роднёй. И прийдя на флот лейтенантами, мы оставались и там братьями-курсантами, влившимися в большую флотскую семью подводников России.

Жизнь всегда испытывает нас «мордотыком». Некоторые упорно стояли против этого ветра, став адмиралами и героями, другие остались рядовыми подводного братства, хотя это и трудно. Братья мои — сослуживцы разбрелись по необъятным просторам некогда единого Союза, но я стараюсь следить за их судьбой. Многие погибли в «холодной войне», вместе с лодками ушли на дно морское, умерли от болезней, от преждевременно наступившей старости, от разочарования и беспробудного пьянства... Но все они достойны памяти, выстоявшие против господствующего ветра в нашей жизни — «мордотыка»!

В.К.

ДВОРНИК И СТЮАРДЕССА

Грешен, каюсь. Во времена перестройки, когда бензин выдавался с записью в технический паспорт, а на бензоколонках стояли длиннющие очереди желающих заправить свои «тарантасы» хоть чем-то похожим на бензин, у нас была лазейка.

Мой приятель, командир отряда авиахимработ эпизодически снабжал нас чудесным авиационным бензином марки А-91 изумрудного цвета. Открывался секретный краник, когда самолеты отряда базировались в отдаленных районах области и с сельских аэродромов опрыскивали какими-то «дефолиантами» поля подсолнухов и прочее. Когда командиру отряда нужно было срочно добраться домой, он звонил мне, и заправка «в воздухе» осуществлялась в теплой дружеской обстановке.

Как-то в уборочную страду позвонил Олег из весьма отдаленного районного центра, слезно прося вывезти его из этой тьмутаракани. Удалось наскрести бензина, чтобы только доехать до этого райцентра, а чтобы бродить среди кукурузных полей — ресурсов явно не хватало. Не доезжая километров двадцать до городка, обнаружил почти у горизонта посадку АН-2. Взял пеленг на точку, где кукурузник скрылся в кукурузе, и с учетом упреждения на взлет — посадку стал «пылить» по проселочным дорогам. На авиаплощадке оказался, когда указатель резервного топлива давно горел постоянно.

Кукурузник заправлялся какой-то химической бякой. Левой пилот за что-то материл второго пилота — молодого выпускника училища. Не прерывая этого процесса, Олег пошел к машине, на ходу давая указания авиамеханику, чего и куда залить под завязку гостю. Но «поедание» второго пилота не прекращалось. Организовав процесс заправки автомашины и заливку бочки, Олег предложил гостю слетать на последнее опрыскивание. Гость не отказался. Так как места для сидения

на этом «аэродинамическом совершенстве» для гостя не оказалось, пришлось стоя распереться в проеме двери кабины пилотов. Но учебно-воспитательный процесс продолжался даже под рев мотора.

Почти сшибая верхушки кукурузы, Олег вывел самолетик на подсолнухи, «обмочил» край этого поля и, развернувшись, плюхнулся на аэродромчик. Процесс закрепления самолета по-штормовому проходил под аккомпанемент воспитательных тирад командира.

Сердце меха-подводника пожалело молодого пилота, и он спросил Олега, знает ли он поговорку обедневшего дворянина. Тот с интересом уставился на меха, поэтому пришлось озвучить поговорку: «За неимением горничной живем с дворником». Ну, а исходя из специфики вашей кукурузной авиации, эту поговорку можно интерпретировать так: «За неимением стюардессы живем со вторым пилотом!»

Первым с хохотом рухнул на землю авиамеханик. Ржали долго.

Несколько месяцев спустя при очередной «авиазаправке» Олег сказал: «Мех, с твоей легкой руки эта поговорка пошла гулять по всей сельхозавиации».

Получается, что и подводники могут внести свой вклад в воспитательный процесс, даже в далекую от них сферу — сельхозавиацию.

В.М.

ИЗ БУДНЕЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ М-200 «МЕСТЬ» БАЛТФЛОТА СЕРЕДИНЫ 50-х ГОДОВ ЗУБРОВКА

То, что дружба с коком — залог здоровья, знает каждый салага уже в учебном отряде. Поэтому обросший ракушками гидроакустик, ведь тогда служили срочную службу пять лет, сразу после появления на лодке молодого кока — татарина из сельской местности Куйбышевской области решил наладить с ним контакт.

Лодка стояла на ремонте в Купеческой гавани Таллиннского порта, что несколько расслабляло экипаж. Акустик, у которого «наметился» день рождения, купил пару бутылок водки «Зубровка», а закусь решил раздобыть у кока на камбузе, заодно закрепить с ним контакт. Как легче всего это сделать? Конечно — налить «рюмку чая». О дедовщине в те годы слухом не слыхивали. Экипаж — этим все сказано.

Бутылки, на этикетках которых был изображен зубр, насторожили кока, никогда до этого не употреблявшего крепких спиртных напитков, не считая бузы. Пришлось приврать, пояснив, что это пиво, а бык на наклейке изображен, так как он с удовольствием жрет ячмень — основу пива.

Малая толика «пива» вывела кока из строя. И, если «старики» пошли искать приключений на берегу, то кок прикорнул у любимого камбуза. Командир, обходя корабль, наткнулся на спящего кока. Услышав жалкий лепет салаги: «Пил с матросами пиво с «быком», — командир лишил матросика увольнения на целый месяц, а «деды»-экспериментаторы сели на «губу» на трое суток. И это на пятом году службы.

МЯСО С МЫЛОМ

Гидроакустик, отсидевший срок на «губе», проходя в кормовой отсек, увидел у камбуза молодого кока, который в алюминиевом лагуна мыл мясо. Месть за трое суток отсидки на «губе» созрела мгновенно.

— Почему моешь мясо без мыла? Ты разводишь заразу. Вон Валька-торпедист загадил весь завод. И все это из-за тебя, оказывается.

Удивлению командира артиллерийско-торпедной боевой части (БЧ2-3) не было предела, когда он узрел кока у лагуна, полного пены. Разобрались. Акустику опять воткнули «перо в хвост». Да и коку тоже. Он после второго взыскания озлобился на акустика, впрочем, и на офицера тоже.

ПОЛИТЗАНЯТИЯ

Политзанятия с рядовыми подводной лодки вел командир БЧ2-3 лейтенант Луйку Эндемо Иохимович — эстонец. Тема политзанятий на этот раз была «Дружба и братство народов СССР». После рассказа руководителя началось обсуждение темы. Когда очередь дошла до кока, он, уже в чем-то поднагнанный в эстонском языке, заявил: «Да, мы все братья. Но я татарин, а Вы — курат!»

По-эстонски курат — это черт. Вот где аукнулось мясо с мылом не разобравшемуся ранее с причинно-следственными связями офицеру. Теперь уже командиру лодки пришлось тушить пожар в душе восточного человека.

Бывший гидроакустик М-200 старшина 2 статьи А. В. Капун ныне адвокат, председатель Кировоградской ассоциации ветеранов-подводников.

21 ноября 1956 года в Финском заливе в результате столкновения с эскадренным миноносцем «Статный» М-200 погибла. Погибли 28 подводников, 6 были сброшены в море с рубки в момент столкновения и спасены.

«СЛОН»

Воспоминания сослуживца-атомоходца

Оставив за кормой в Северодвинске семьи офицеров и мичманов, новый атомный подводный крейсер, сверкая свежей краской и благоухая резиной, пришел к месту своей постоянной прописки — в базу Гремиха, расположенную в корне мыса Святой Нос Кольского полуострова. Кто не знаком с этим богом забытым местом, взгляните на карту. Там, где воды Белого моря слились с водами Баренцева моря, Кольский полуостров имеет свой аппендикс — острый, как клинок, мыс, стремящийся уйти в моря курсом на северо-запад. В пазухе этого мыса вдоль скалистого берега природа рассыпала цепочку небольших островов, названных в честь бывшего министра финансов России С. Ю. Витте (он же в народе граф Полусахалинский). Нельзя сказать, что эти острова образовывали пригодную для спокойного базирования подводных лодок бухту. При северных и северо-западных ветрах волны свободно проникали к пирсам, удерживая подводничков в постоянном напряжении, так как лодки начинало бить друг о друга и пирсы.

В эту военно-морскую базу не вели ни железная дорога, ни хотя бы паршивенькая грунтовка. В скалах невозможно было построить взлетно-посадочную полосу для самолетов. Связь с материком возможна только вертолетом по воздуху да старенькими парходиками — когда-то «Илья Репин», а позже «Вологда», которые из-за непогоды часто застревали по пути в какой-нибудь из губ Кольского полуострова.

У мыса располагался лопарский оленеводческий колхоз и поселок Йоканьга, снабжавший гарнизон олениной и прочими продуктами оленеводства. Особой популярностью пользовались домашние тапочки из шкуры молодого оленка — «лопарки» — предмет вожделения многих столичных модниц.

Несколькими километрами правее вросло в базальт береговое подводничье хозяйство. Осваивали эту базу многострадальные дизель-электрические лодки проекта 613, которых спустя несколько лет опять разогнали по другим дырам, освобождая место атомоходам.

К моменту прихода нового атомохода в скалах в «удобных» местах было построено 10–11 каменных домов, «выгрызли» в базальте котлован для сухого дока, появился даже гарнизонный дом офицеров. На вновь прибывших тут же набросился штаб дивизии с проверками, смотрами, приемом «Задачи №1». Месяц с лишним экипаж обитал безвылазно на корабле, шлифуя знания и умения. После сдачи «Задачи №1» командир решил одной смене сход на берег. Так как в это время ни Большой, ни Мариинский театры гастроли здесь в ближайшие десятилетия не планировали, да и Русский художественный музей не привез туда передвижную выставку шедевров, смена сразу двинула в гарнизонный дом офицеров, где к этому времени в кафе разрешили подавать горячительные напитки. Заказали «Российскую» и цыпят табака. Отощавшие на подводничьих однообразных харчах офицеры готовы были заказать все меню четыре раза. Ближе к концу застолья корабельному врачу захотелось посетить «кабинет задумчивости». Какими тропами он искал оное заведение, неведомо, но его внимание привлекло необычно мощное северное сияние, и эскулап шагнул прямо через оконный проем в тундру. Восемь квадратных метров оконного стекла превратились в осколки. Администрация дома офицеров тут же оповестила коменданта гарнизона, и через несколько минут крытый грузовик комендатуры уже урчал мотором у «нового входа», а комендантский взвод оцепил ДОФ. Всю смену лодки, не разбираясь, отправили в околотов. Утром комдив, получив доклад из комендатуры, дал команду отпустить смену на корабль к подъему флага. Старшего морского начальника гремихинцы уважали, мореходом он был от бога, да и рост, и комплекцию имел богатырские. Правда, молодежь в силу своего максимализма именно за эти последние достойные уважения качества между собой звала его «Слоном».

В ближайшую субботу, с утра, как обычно, офицеры подводных лодок, стоящих в базе, прибыли в клуб плавказармы на чтение приказов, шифровок и прочих накопившихся за неделю документов. По окончании этого процесса комдив встал во весь свой могучий рост и заявил: «Товарищи офицеры! У нас в гарнизоне случилось ЧП. Смена лодки «К-...» разнесла вдребезги Дом офицеров. Я лично разбирался с виновником происшествия. Что пошел за лейтенант? Принял 150 граммов и устроил погром. Я тоже был лейтенантом. Помню, в Северодвинске идешь в ресторан к Эдельману, заказываешь шестьсот и семгу...». Рядом сидящий начПО дергает комдива за полу тужурки и шипит: «Четыреста, четыреста». Комдив, вильнув задом, отцепись, мол, смотрит на начПО сверху вниз и выдаёт на-гора: «Ну я и говорю. Заказываешь ещё по четыреста и ничего. Завод-то до сих пор на месте». Посчитав, что воспитательная миссия до написания выволочного приказа окончена, он довольный опустил в кресло.

Дом офицеров ещё долго, как Циклоп, глядел на море своим фанерно-деревянным глазом. Где в этой глухомани найти стекло 42 метра? Позже стекляшку доставил из Североморска сторожевик, следовавший по своим нуждам куда-то восточней.

В.М.

ВИЗИТ «КОМЕНДАНТА ГАРНИЗОНА»

Через сарафанное радио в конце пятидесятых годов по Полярному поползли слухи, что почти рядом, у входа в Кольский залив строится новая база подводных лодок. У подводников стали трещать головы от дум, кто будут те, кому предстоит осваивать новую Тьмутаракань. Вскоре выяснилось, что вслед за 22-ой бригадой туда пойдет 25-я бригада подводных лодок, «нежившаяся» всего несколько лет в немного благоустроенном Полярном.

Меху, только обжившему комнату в одной из коммуналок на улице Гандюхина, предстояло бросать жену с детьми, ведь сообщение с Полярным из этого фьорда только морем, а получить жилье во вновь открытом миру захолустье было мало-перспективным. Ближе к осени прозвучал сигнал «По местам стоять, со швартовых сниматься!», и лодки бригады гуськом, как корабли «белого исхода» в Бизерту, пошли в неизвестное.

«С-345» ошвартовалась к плавпирсу, с противоположной стороны которого стояла плавбаза «Инза» — шедевр кораблестроительного искусства ее создателей. Переоборудовали «Инзу» из танкера. Кубрики напоминали казематы Шлиссельбургской крепости. Плавбаза пришла из Потти, где кавказские умельцы, не особенно задумываясь, для чего и для кого они это делают, ударно потрудились над её созданием. В Украине, столкнувшись с подобным производением слесарно-сварочного мастерства, прохожие, ошарашенные увиденным, задают вопрос владельцу: «Це пан сам склепав?».

Встречали лодку без помпы, буднично. Командование лодки ушло в штаб решать жилищные проблемы экипажа, личный состав стал приводить матчасть в исходное положение. Мех, согнувшись в три погибели, рычит в «каштан» нужные команды. Все идет как обычно. Вдруг в отсеке раздается истошный

вой. Мех, глянув через плечо, увидел штурманского электрика, стоявшего с ногами на хрупком гирокомпасе, плечами упершись в подволок лодки. Вылезшие из орбит глаза смотрели куда-то за шахту командирского перископа. Представьте себе громадный бочонок «Киндер-сюрприза», окрашенный в цвет слоновой кости, а на нем старшину в позе Атланта, державшего на плечах небесный свод. Жаль, не было под рукой ваятеля Коненкова. Пропадала натура.

Что-то ткнуло в ноги меха. Глянув вниз, мех орлом взлетел на свою деревянную сидушку-таблетку, проорав: «Твою дивизию!» Как он умудрился на этом крошечном пятачке размером с десертную тарелку занять йоговскую асану «Лотос», непонятно. Под ним на четырех лапах стоял медведь небольших размеров. Мишка обнюхал брюки меха, фыркнул. Видимо, штаны меха впитали за годы службы все мерзкие запахи подводной лодки или он, прощаясь с Полярным, пописал против ветра. В голове меха сразу промелькнула мысль (бывает же такое) — глухомань, тундра, её хозяин медведь. Поняв, что зверюка жрать его не намерена, мех окинул взглядом отсек, оценивая обстановку. Штурман Володька Долгополов, увидев медведя, потерял дар речи и, как рак-отшельник, втиснул задом наперед свое членистоногое тело в крохотное пространство над штурманским столом. Ни остро заточенных поштурмански карандашей, ни измерителей, вонзившихся в его зад, он не замечал. Из мини-рубки торчали только пилотка с крабом, золотые погоны, огромные глаза и две ноги в подвожничьих продырявленных тапках. Покачивая ногами, штурман решал — какую из ног медведь оттяпает первой. Старшина команды трюмных старшина 1-ой статьи Козлов, отрезанный медведем в своем закутке у станции погружения и выплывтия, каким-то образом, как обезьяна на пальму, влез одной ногой на колонку воздуха высокого давления, а другой — на колонку аварийного продувания цистерн главного балласта и застыл там, раскорячившись. Так как руки у него были заняты, в зубах он зажал свое орудие возмездия — трехзубый стальной ключ для манипуляций с маховиками клапанов, в народе мартыш-

ка. Что-то произнести он, естественно, не мог. В корме отсека лязгнула кремальера переборочной двери. Кто-то из акустиков или радиометристов, нарушив подводничье правило — не покидать без команды аварийный отсек, дернул в четвертый отсек.

Медведь, обнюхав отсек и не обращая внимания на живую пищу, пошел, щелкая когтями по палубе отсека, к лючку, ведущему в трюм центрального поста, и, как настоящий подводник, задом наперед стал спускаться в трюм. Трюмный старший матрос Корягин (его пост там в корме отсека), услышав вопли штурманского электрика, ринулся к лючку, но путь ему преградила лохматая задница медведя. Отскочив на свой боевой пост, Корягин стал объяснять медведю, что он не тамбовский волк,

а работяга из Подмоскovie. Козлов, поняв, что угроза отступила, слез со своих колонок и передал Корягину через отверстие в палубе увесистую стальную трубу с трещоткой на конце. Медведь, спустившись в трюм, не удостоил трюмача вниманием, а стал обнюхивать по периметру двери двух провизионок и рвать когтями запор — ведь там находились подводничьи деликатесы.

Немного пришедшие в себя штурман, мех и Козлов (штурманский электрик еще держал «небесный свод» на плечах) стали кумекать, как освободить трюмача.

В это время на палубу отсека через рубочный люк упала банка из-под сгущенного молока, не вылизанная до конца, а следом в отсек свалился незнакомый матрос. Реакция медведя была мгновенной. Видимо, услышав знакомый звон банки, он тут же оказался в отсеке.

Как ни странно, но только в этот момент мы наконец разглядели на шее медведя ошейник. Матрос, дав медведю насладиться банкой, увел его наверх. Как позже выяснилось, медведь был плавбазовский. Экипаж выменял его в Потти у пограничников за балалайку, коробку домино и бидон краски. Медведь, выросший среди людей в казарме, быстро освоился на корабле, постигая флотскую науку. Позже мишку часто видели в тундре у поселка, он вместе с женщинами лакомился морошкой.

Эта животина была не единственной на корабле (тараканы не в счет). При переходе по Средиземному морю была замечена черепаха, волочившая за собой обрывок рыбацкой сети. Привязав лить к шлюпочному отпорному крюку, сеть подцепили и вместе с черепахой подняли на борт. Её поместили в ванной комнате лазарета. До прибытия плавбазы в Ягельный «тортила» ничего не ела, но вскоре освоилась и стала есть свежепойманную через иллюминатор мелкую пикшу, сайду и треску, отдавая предпочтение последней. Кончилось тем, что корабельный эскулап Кекелев, подлечивший этот «броненосец», взвыл без ванны. Отпустить черепаху в Северный ледовитый океан нельзя. Температура там не подходящая, летом и зимой колеблется около +4°С. Зоопарка в радиусе тысяча километров не наблю-

далось. Живого уголка в школе нет, так как начальная школа размещалась в двухкомнатном «разборно-щелевом» доме. Выход нашли «находчивые» мичмана-сверхсрочники — они из неё сварили суп. Позже на месте мизерного поселка Ягельный вырос город Гаджиев с домом офицеров, спортзалами, бассейном и прочими городскими структурами. При развале Союза с ним поступили, как с черепахой — «съели» многие корабли и людей, оставив пустые коробки домов.

Кстати, медвежьей болезнью в момент визита медведя на лодку все вышеперечисленные не заболели, но штурманский электрик несколько недель лечился от заикания у капитана медицинской службы Кекелева.

В.М.

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Головокружение, тошнота, рвота в результате раздражения вестибулярного аппарата при качке судна — такое определение даёт энциклопедия. Вещь неприятная, и этой болезнью могут страдать люди и на земном, и на воздушном транспорте.

Я хочу рассказать, как нас учили излечиваться от неё на дизельных подводных лодках.

Когда лодка находится в надводном положении в штормовых условиях, то похоже, что ты болтаешься в бочке, брошенной в море. Помните царевича Гвидона из сказки А. С. Пушкина? Кто не испытал этого чувства и не победил при этом морскую болезнь, наверное, не может назвать себя настоящим моряком.

Морская болезнь проявляется не только в вышеприведённых условиях, но и в других — у одних начисто отсутствует аппетит, а другие готовы съесть всё, что можно есть. В те годы единственным лекарством от морской болезни считались селедka, тарань (вобла) и ржаные сухари. Вот почему этого продукта на флоте всегда было вдоволь, но только не сегодня. «Аппетитных» болящих обычно мало, большинство блюёт до позеленения и ничего не ест. Они проклинают всё и вся: «За чем я пошёл на этот подводный флот...». И главное, некоторые перестают работать и впадают в бессмысленную одурь. Я знаю многих собратьев ещё по курсантской жизни, которые, испытав на практике «подводную романтику», больше не рвались к корабельной службе.

Я сам, попав в 1955 году на практику на одну из средних лодок легендарного 613 проекта, испытал подобное в Баренцевом море. Правда, до рвоты не дошло, хотя и закладывал пальцы в рот, а вот голова — будто налита свинцом. Мне повезло — попался отличный «лекарь» старшина отсека, жаль, фамилию запомнил. Он излечивал нас, курсантов, от морской болезни

следующим образом — у него в запасе всегда была торбочка (небольшой мешочек) с гайками, болтами и шайбами — всё это в разобранном виде. Когда начиналась свистопляска и наша лодка начинала прыгать на волнах, как норовистая лошадь, а мы начинали хандрить, он набирал в поддон под помпой ТП-20 седьмого отсека (а он весь в извилинах, углублениях и прочих заморочках) воды и высыпал из торбочки содержимое туда. Зная их счёт, он заставлял все собрать так, чтобы на каждом болте была гайка и шайба.

Железяки табуном на качке перекачивалось в воде поддона... Это очень отвлекало, и мы забывали про морскую болезнь. Таким образом он вылечил не одно поколение курсантов. За это ему многие из моих товарищей благодарны и, став офицерами, не забыли его рецепта.

Но не всегда можно излечиться подобным образом. Есть люди, которым ничто не помогает, и они травят до изнеможения. Кто скисает, тот пропадает для флота. Но многие наперекор всему хотят служить на кораблях. Их выручает только воля и работа.

Был у меня один торпедист матрос Иван Валявин, который никак не мог излечиться от морской болезни, но и списываться с лодки не хотел. Работал, как вол. Но при этом, чтобы не терять сил от рвоты, он постоянно жевал ржаные сухари, а на шее при качке носил жестяную банку, в которую, когда ему было невозможно, он отдавал дань Нептуну.

Специалист был отменный. Полностью и достойно отслужил свой четырёхгодичный срок на подводной лодке. Спустя некоторое время я с удивлением узнал, что после демобилизации он пошёл морячить в мурманский «Трал флот». А как качает небольшие траулеры — это знают только рыбаки. Вот что значит любовь к морю!

Излечение и победа над морской болезнью зависит исключительно от самого человека, его характера, воли, желания и непременно — от его преданности морю. А в любви к морю, как бы не опротестовывали эти слова, есть всё-таки Романтика, и она неистребима в молодых людях во все времена.

В.К.

Под водой на большой глубине
Днем без солнца, а ночью без звезд...
Закрываю глаза, прилетает ко мне
Птица милая — певчий дрозд.
Как сумел, как добрался сюда
Через толщу воды и закрытые люки?
Прочный корпус сжимает морская вода,
Как чужие недобрые руки.
Он из леса с собою принес
Тонкий запах осин и берез.
Я к нему протягиваю руки...
Тревоги боевой меня подняли звуки.

Э.А.

ВОРОТНИК С БЕЛОЙ ФУРАЖКОЙ

В начале 60-х годов на Северный флот пришел с юга новый командующий флотом. Как раз под праздник 1 Мая, когда погода на удивление была хорошей для Севера. По флоту до его прихода была объявлена, естественно, зимняя форма одежды — шинель и черная фуражка.

На Черноморском флоте, как известно, традиционно с 1 мая переходят на летнюю форму одежды с белой фуражкой. Климат-то позволяет. Комфлот, не заглянув в окно, в прогноз погоды и правила ношения формы одежды, исходя из своего южного опыта приказал сменить черные фуражки на белые. Матросикам хорошо, они на черные бескозырки натянули белые чехлы, а офицерские плечи под тонкой тряпочкой белой фуражки стали сильно промерзать. Думаете, исправили ошибку? Несколько десятков лет этот нововел украшал праздник. Существует фотография, на которой в заснеженной ложбине служители Ягельного выложили грибами дату «26.06.1960 г.».

Впрочем, общепринято, что флотская форма одежды рациональна и красива. И парадная, и повседневная. Ей воспеты оды. Но попробуйте втиснуться в рубочный и другие люки подводной лодки в шинели — хоть в парадной, хоть в повседневной. Диаметр люка 650 мм, и он не растяжим. Служилые, кто крупнее телом, говорят: «Пищим, но лезем». Сколько поколений офицеров-подводников, служивших на «дизельюшках», мечтали о введении для них обычного суконного бушлата, с которым они сроднились за долгие годы учебы в училищах. Кто четыре года, кто пять, а кто и пять с половиной лет (последнее относится к механикам до 1958 года выпуска). Видимо, в небесных инстанциях их слышали и много лет спустя бушлаты ввели в табель снабжения. Это не значит, что отдел обустройства службы все это долгое время лежал, как Емеля на печи.

То он ввел синие куртки, то «тропикано», то обрезал рукава у рубашек. Однажды было принято революционное решение. Не думаю, что оно было вызвано заботой о флоте, скорее, это было сделано в угоду флотским чиновникам высокого ранга, весьма удаленным от морей и океанов. Офицерскому составу флота для ношения вне строя разрешили шить шинели с каракулевым воротником. Видимо, он должен был облегчить скольжение по трапу рубочного люка.

Первыми воспользовались этой новинкой молодые лейтенанты-неженатики. Тратить деньги в отдаленных гарнизонах не на что, а в автономках и на боевых службах тем более. Вот такой «экономливый» лейтенант-управленец с ракетовоза проекта 667А и пошил себе — но не шинель, а плащ-пальто из шинельного сукна с каракулевым воротником. Дело к лету, атомоход готовится к боевой службе, поэтому экзотичную амуницию лейтенант К. решил переправить в поселок на хранение домой к другу. В этом одеянии его у пирса и «тормознул» помощник коменданта — личность хорошо известная в гарнизоне. В первую очередь как старожил, засидевшийся в этой должности со старлейских времен, во-вторых, как большой приверженец Бахуса. Одно и другое за годы выработали в нем озлобленность на все и вся, что, в свою очередь, вызвало всеобщее отрицание этого субъекта у всех служилых и не служилых гарнизона.

Уставившись взглядом в воротник, набывчившись, пом тычет пальцем и рычит: «Кто такой? Что это?» Лейтенант, представившись и взяв пеленг по его пальцу, увидел за кормой свой родной атомоход. Удивился, что «комендатура» не может отличить лодку от баржи, и недоуменно пожал плечами. «Что это?» повторялось неоднократно. Наконец помкоменданта дернул лейтенанта за воротник и изрек: «Что за лейтенант пошел. Я капитан 3 ранга, но не могу себе позволить это пошить».

Ответ молодого управленца лишил его дара речи.

— Товарищ капитан 3 ранга, Вы, возможно, много пропиваете?

Помкоменданта на мгновение онемел от наглости молодого лейтенанта, не выветрившийся хмель ударил ему в голову,

и желая размазать визави по аппарели пирса, забыв догмы «Устава дисциплинарной службы», ограничивающие его «арестантские» возможности, он завопил: «Десять суток ареста! Доложите командиру!»

Не каждый лейтенант решится ляпнуть подобное старшему по званию, но у этого нарушителя был папа, служивший начальником крупного отдела в штабе флота.

Лейтенанта, конечно же, не посадили на губу, так как атомоход уже дрожал от нетерпения уйти на боевую службу. А без управленца он ни туда, ни сюда.

В.М.

«ПОДВИГ» КАПЛЕЯ

37-я дивизия подводных лодок с середины 60-х годов имела в своем активе три бригады: две боевых — 40-ю и 22-ю, и одну бригаду консервации. В разное время в дивизию входило до пятидесяти с лишним подводных лодок. Боевые бригады базировались непосредственно в Либапской военно-морской базе, инженерные и гидротехнические сооружения которой были добротно построены морским ведомством России еще в XIX веке. На одной стороне довольно обширной искусственной бухты располагались здания казарм, штабов, учебных классов, стенки, пирсы, а напротив — судоремонтный завод с двумя сухими доками. Бухта соединялась с морем каналом военной гавани. От моря его отделял обширный аванпорт, образованный волноломами. Бухта тихая и спокойная. В гирле канала у аванпорта был сооружен однопролетный поворотный мост. При разводке моста ферма поворачивалась на 90° и располагалась над берегом вдоль канала.

Поясняю это, так как мост был одним из действующих «лиц» этой истории.

В один из дней начальство базы решило провести какое-то совещание в Доме офицеров флота, располагавшемся в центре города — далеко от дивизии.

После подъема флага и обязательных после этого мероприятий одна из групп, направляемых на совещание офицеров, двинула в город. Путь пролегал вдоль канала к мосту, а затем, как предполагали, из пригорода Шкедас почти игрушечным узкоколейным трамваем в центр города.

Когда группе офицеров оставалось до моста метров 40–50, они увидели, что шлагбаум моста закрыт, то есть вот-вот начнется разводка моста для пропуска каких-то входящих лодок или судна. «Сбавили обороты» и тихо движемся далее, к не-

большой группе людей у шлагбаума. Неожиданно раздается отчаянный крик. Кричала женщина, она, спеша на трамвай, все-таки отважилась с детской коляской нырнуть под преграду и попытаться успеть проскочить мост до начала его поворота. Ведь пролет-то всего 30–40 метров. Когда у неё под ногами стала вращаться ферма, а затем, выйдя из зацепления с противоположной опорой, слегка просела и завибрировала, она от испуга закричала и упустила коляску. Все на берегу оцепенели, женщина в ступоре стоит с поднятыми к лицу руками. Коляска, ускоряясь, пошла по диагонали в конец фермы. Старпом одной из лодок каплей Ю. Петрикевич мгновенно рванул от нашей группы к мосту и в последний момент успел вскочить на угол фермы. Когда Юра почти нагнал коляску, она с высоты 8–9 метров рухнула вниз. Следом в блеске погон и нарукавных позументов ринул «солдатиком» каплей. Женщина стоит на месте, но почему-то перестала верещать и опустила руки. Находящиеся на берегу помчались вдоль берега к концу фермы — она перекрывала обзор места совершения «героического» поступка. Вынырнув, каплей отчаянно крутил головой, стараясь узреть коляску и младенца. Коляски не было, вместо младенца вокруг плавали и всплывали небольшие вилки ранней капусты. Позже выяснилось, что жившая в поселке финка везла капусту на рынок, но не рассчитала свои скоростные возможности при форсировании канала.

Капля на связанных ремнях извлекли из грязной воды канала. Один из остряков сокрушался, что упустили реальную возможность обмыть медаль «За спасение утопающего». Жене капля Галине Гаджиевой (дочери знаменитого подводника) пришлось вместо него ехать в город, сдавать амуницию в химчистку.

В.М.

Всплывает ночью лодка в океане,
На много миль вокруг одна вода.
Наш берег где-то там, в густом тумане,
О нём не забываем никогда.
Сияние луны и звёзд мерцанье,
Курящий в рубке топчется народ.
Мы ожидаем с берегом свиданья;
Кто не моряк, тот это не поймёт.
В кают-компании поёт гитара
О скором возвращении домой.
По осени ушли вокруг земного шара,
А возвратимся только раннею весной.
Придя на базу, отдохнём и снова
Уйдём в моря глубины бороздить.
Всё потому, что дали себе слово
На субмаринах Родине служить.

Э.А.

Новый год, мой друг, не за горами.
От него уже исходит свет.
Я пытаюсь отыскать ответ:
«Что же завтра будет с нами?»

Старые проблемы — неужели
Никуда от них не скрыться?
Вновь и вновь над ними биться,
Как в окно уставшие метели.

Обнаружив новые морщины,
Всё острее возраст ощущая,
Сам себя в себе не узнавая,
Не искать тому причины!

Тут на ум приходит мысль простая:
Всё и вся воспринимать с улыбкой,
Устоять на почве жизни зыбкой!
Жизнь одна, а будет ли другая?!

Э.А.

Печали, радости бесследно не уходят,
Пока мы живы, в нас они живут.
И как вино, что в бочке долго бродит,
Воспоминания покоя не дают!

Совсем недавно будущее флота
Держали мы в руках своих;
Теперь другие в нас живут заботы,
Ведь мы живём в условиях других!

Мы все ещё способны и творим,
Идей у нас полно толковых,
Верны пристрастиям, друзьям своим
И осторожнее друзей приобретаем новых!

Э.А.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4	50-летию аварии «К-19»	72
О войне и Лысой горе	6	Раздался взрыв... ..	73
О вреде алкоголя.	10	Нас вытолкнули в море по тревоге... ..	74
Второй «У-2»	11	Флагманское короткое замыкание	75
Комариная закуска.	12	Два старпома	77
У подводников и дома погружаются	13	Последнему из первого набора	79
Коньяк а-ля «Широбоков»	15	О пользе самоволки	80
Аквариум	17	Они пришли и ушли тихо, по-английски... ..	82
Резолюция	19	Старость — радость?	92
Боцман	20	Шестой пункт на шестой вопрос	93
Приколы	22	Вокруг шила	96
Сверчок	24	Кувалда	100
Рыбалка пуще комфорта	35	Купание якорь-цепи	102
<i>Мы с соседом по лестничной клетке...</i> ..	37	Глаз	104
Подводник на крючке	38	Страдания молодого фельдшера	106
<i>Сколько отдано морю...</i>	41	Важная деталь	107
Цена вопроса	42	По чуть-чуть	110
<i>Поезд тронулся, ты на перроне...</i>	43	Бачок каши	111
<i>Мой друг мечтал подняться в небо...</i> ..	44	Командир курсантской роты	113
Как первого космонавта в подводники		<i>Тяжесть лет мои сдавила плечи...</i> ..	116
посвящали	45	<i>Нас в Севастополь привели дороги...</i> ..	117
<i>Друзья мои...</i>	49	<i>В твореньях Венса сменился запах...</i> ..	118
Издержки раннего назначения	50	Мордотык	119
<i>Грохочут дизеля, жужжат приборы...</i> ..	55	Дворник и стюардесса	124
Первый лейтенантский	56	Зубровка	126
<i>Южный город. Солнце. Зной...</i>	58	Мясо с мылом	127
Из воспоминаний сотрудницы морской		Политзанятия	127
инженерной службы	59	«Слон»	128
<i>Когда-то много сил мы отдавали</i>		Визит «коменданта гарнизона»	131
<i>лодкам...</i>	61	Морская болезнь	136
Васька	62	<i>Под водой на большой глубине...</i> ..	138
<i>Вхожу в трамвай и вижу диво...</i>	64	Воротник с белой фуражкой	139
Кошкин — Кот	65	«Подвиг» каплея	142
<i>От пенсии до пенсии...</i>	67	<i>Всплывает ночью лодка в океане...</i> ..	144
<i>Злой ветер и воет, и свищет...</i>	68	<i>Новый год, мой друг, не за горами...</i> ..	145
Чоп	69	<i>Печали, радости бесследно не уходят...</i> ..	146

ПЕРВЫЙ УКРАИНСКИЙ ЖУРНАЛ ПОДВОДНИКОВ

Независимое Военное Обозрение «Фарватер submariners» является научно-популярным иллюстрированным изданием. Материалы, используемые в обозрении, основаны на фактах из архивов участников тех или иных событий, ставших историей подводного и надводного флотов. Журнал поддерживает тесную связь с историками флота и любителями морской тематики. «Фарватер submariners» знают и читают во многих городах Украины, России, Белоруссии, Франции, Польши, США, Англии, Германии.

С нашим журналом вы окунетесь в виртуальный мир моряков-подводников, примете участие в тайных операциях «стальных акул» и расследовании их загадочных исчезновений. Вы узнаете о судьбах, славе и трагедии экипажей и их субмарин, познакомитесь с описанием, схемами, фотографиями и историями различных проектов дизельных и атомных подводных лодок.

Коллектив НВО постоянно работает над формой и содержанием журнала. Мы принимаем пожелания, замечания и просьбы читателей, что положительно сказывается на качестве издания.

Редакция НВО журнал «Фарватер submariners» тесно сотрудничает с Советом Всеукраинского союза писателей-маринистов и заключила соглашение о создании единого главного издательского органа организации с использованием названия журнала — «Издательский центр «Фарватер submariners» Всеукраинского союза писателей-маринистов».

Вы можете приобрести «Фарватер submariners» через наш интернет-магазин или по подписке через редакцию.

Адрес редакции: 61204, Украина, г. Харьков, пр-т Людвиг Свободы, д. 48А, кв. 245

Реквизиты для связи:

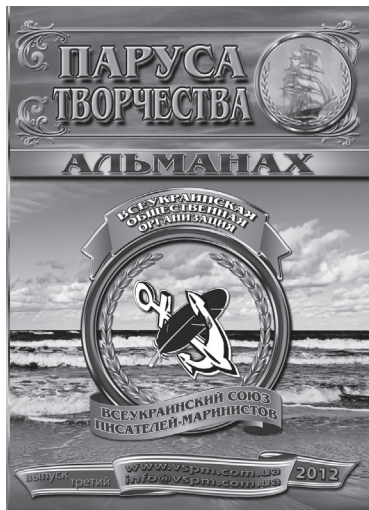
тел.: (057) 338-37-89, (097) 489-94-51,

e-mail: info@farvater-submariners.com.ua,

e-mail: farvater_submariners@meta.ua

Сайт: www.farvater-submariners.com.ua

АЛЬМАНАХ «ПАРУСА ТВОРЧЕСТВА»

Альманах «Паруса творчества» Всеукраинского союза писателей-маринистов является литературно-художественным сборником произведений и трудов членов Всеукраинского союза писателей-маринистов, учредителем которого является Совет Всеукраинского союза писателей-маринистов.

В основу Альманаха входят произведения писателей-маринистов Украины, Российской Федерации, других стран СНГ, а также ветеранов флота, проживающих за пределами СНГ. Главной составляющей Альманаха являются труды ветеранов флота, ставших писателями-маринистами, которые в своих очерках и рассказах раскрывают традиции флота, мужество тех, кто в морях и океанах выполнял свой долг перед Родиной. Также в альманахе могут быть представлены труды и современных моряков, продолжателей традиций русских и советских флотоводцев.

Альманах рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей Военно-Морского Флота, Гражданского флота и маринистикой в целом.

В первую очередь редакция Альманаха публикует материалы членов союза писателей-маринистов, согласно утвержденному порядку, установленному редакционной коллегией.

Редакция принимает материалы авторов, не являющихся членами организации. В этом случае коллегия определяет ценность публикации и принимает отдельное решение по размещению статьи на страницах издания.

С октября 2010 года открыта редакционная подписка на Альманах. Периодичность выхода — один раз в год.

Для связи с редакцией Альманаха достаточно использовать телефон, сайт и электронную почту:

тел.: (057) 338-37-89, info@vspm.com.ua

Сайт: www.vspm.com.ua

ВОЗРОДИМ ФЛОТ УКРАИНЫ!

Проектное изображение корвета
«Владимир Великий»

За 1906–1910 годы на добровольные пожертвования, в том числе и украинского народа, в Российской Империи было построено 23 корабля, и первым из них стал минный крейсер «Украина», который вошел в состав Балтийского флота 6 сентября 1906 года.

Сегодня ситуация, сложившаяся в украинском военном кораблестроении, не имеет аналогов в современной истории: за истекшие двадцать лет в стране не было построено ни одного боевого надводного корабля по новейшему проекту с использованием современных технологий строительства.

Сейчас, когда так легко потерять Веру в себя и свой народ, всем нам нужен повод для гордости. Гордости за свою страну, свою профессию, свой народ.

И наш первый украинский корвет может стать таким поводом. Когда страна не может полностью финансировать строительство современных кораблей, без всенародной поддержки просто невозможно обновить Флот.

От имени основателей благотворительной организации «Фонд возрождения

Украинского флота» обращаемся ко всем бизнесменам, физическим и юридическим лицам, руководителям предприятий, общественных и ветеранских организаций, ко всем, кому не безразлична судьба военного флота и его моряков, с просьбой откликнуться и по мере возможности принять участие в благотворительной акции по сбору добровольных народных пожертвований на строительство современного корвета отечественного производства.

Добровольные взносы просим предоставлять по следующим реквизитам:

Получатель: Благотворительная организация (БО) «Фонд возрождения украинского флота».

Код получателя ОКПО: 37636604,

МФО: 324935, СФ ППОКБ «Приватбанк»

Текущий счет (гривна): 26000060489109

Текущий счет (доллары): 26001054802650

Текущий счет (евро): 26001054803455

Назначение платежа: благотворительный взнос на строительство украинского корвета.

Почтовый адрес: 99011, г. Севастополь, Главпочтамт, почтовый ящик 82, «Фонд возрождения украинского флота»

Ю.С. Крючков
«Подводные лодки и их создатели 1900-2000: драмы людей, кораблей и идей»

Твёрдый переплёт, 512 страниц,
678 иллюстраций

**КУПИТЬ ПО ЦЕНЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА:**

(067) 800-70-70, (0512) 37-81-28
e-mail: eltalisman@pochta.ru

Почтовый адрес: а/я 255, г. Николаев,
Украина, 54018

Автор – Юрий Семенович КРЮЧКОВ, доктор технических наук, профессор, академик Академии судостроительных наук Украины, член Национального союза журналистов Украины.

Книга о прошлом, настоящем и будущем подводных лодок, об основных вехах столетнего развития этих самых наукоёмких кораблей, их техники и вооружения, о взаимосвязи достижений подводного кораблестроения с достижениями науки и техники, о тернистом пути от примитивных погружающихся лодок до истинно подводных кораблей, иолюдях, их создавших.

Впервые история развития подводных лодок тесно увязана с творческими биографиями их создателей (более 65 биографий конструкторов). Подробно рассказывается о важнейших событиях в развитии подводных лодок, о достижениях, трудностях и ошибках — о драмах идей, кораблей и людей. Особое место уделено созданию и развитию энергетических установок, оружия нападения и защиты, средств связи и наблюдения.

ОТ РУКОПИСИ ДО ТИРАЖА

Верстка, дизайн, корректура, оцифровка схем и чертежей, подбор иллюстраций, печать книг, брошюр, журналов и газет.

(067) 800-70-70

Літературно-художнє видання

**Владислав Вітольдович Мацкевич
Вадим Тимофійович Кулінченко
Едуард Петрович Антошин**

ФЛОТСЬКІ БАЙКИ – 2
Служили три товариші
(російською мовою)

*Дизайн обкладинки В.В. Торубара
Верстка та коректура О.С. Торубара
Малюнки та фото В.В. Мацкевич*

Підписано до друку 1.09.2012
Формат 84x108/32. Друк офсетний
Папір офсетний. Гарнітура «Петербург». Ум. друк. арк. 4,25
Обл.-вид. арк. 5,0. Тираж 300 прим. Зам. № 8/12

Видавець ПП Торубара О.С., «el Talisman»

Тел.: (0512) 37-81-28

Адреса: вул. Наваринська, 5/17, м. Миколаїв, 54001

E-mail: eltalisman@pochta.ru

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК №2832 від 19.04.2007